

**Современный
Гуманитарный
Университет**

Дистанционное образование

Рабочий учебник

Фамилия, имя, отчество _____

Факультет _____

Номер контракта _____

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ЮНИТА 1

МОСКВА 1999

Разработано Гловели Г.Д., канд. экон. наук, доцентом

Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования
Российской Федерации в качестве
учебного пособия для студентов высших
учебных заведений

КУРС: ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Юнита 1. Основные этапы становления экономической теории.
Юнита 2. Экономические учения XX века.

ЮНИТА 1

В предлагаемом пособии подробно рассматриваются основные этапы развития экономических учений.

Для студентов Современного Гуманитарного Университета

Юнита соответствует профессиональной образовательной программе №4

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН	4
ЛИТЕРАТУРА	5
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	7
1. Элементы экономического анализа в общественной мысли древности и средневековья	7
1.1. Античный мир	7
1.2. Древний Китай	8
1.3. Христианский Запад. Схоластика	9
2. Меркантилизм и развитие нормативного экономического анализа	12
2.1. Общая характеристика меркантилизма	12
2.2. Атлантический меркантилизм	13
2.3. Среднеевропейский меркантилизм – камералистика	14
2.4. Политическая экономия и научная революция XVII в.	15
2.5. Первые российские меркантилисты	16
2.6. Литература проектов времен Петра I	18
2.7. Идея евразийского транзита	18
3. Развитие позитивного экономического анализа. Физиократы - первая школа экономистов	19
3.1. Растождествление денег и богатства. Меркантилистская дилемма ..	19
3.2. Эффекты Кантильона-Юма	20
3.3. Дилемма доходов	21
3.4. Физиократы – первая школа экономистов	21
4. Эпоха классической политической экономии	24
4.1. Историографические замечания	24
4.2. Экономическое учение А.Смита	25
4.3. Общественная деятельность Рикардо	28
4.4. Теория ценности, капитала и земельной ренты Д.Рикардо	28
5. Фритрейдерство и либеральная политэкономия в Европе	30
5.1. Политическая экономия и идеология	30
5.2. Либеральный оптимизм школы Сэя	31
5.3. Раскол в либеральной политэкономии: экономический романтизм С. де Сисмонди	32
5.4. Компромиссная политэкономия Дж. Ст. Милля	34
5.5. Фритрейдерство в России	35
6. Социалистические утопии и экономическое учение марксизма	36
6.1. Утопический социализм	36
6.2. Философские и политико-революционные истоки марксизма	37
6.3. “Капитал” К. Маркса	39
6.4. Ф.Энгельс об основном противоречии капитализма	43
6.5. Маркс и Энгельс об организации производства, обмена и распределения в плановом хозяйстве	43
6.6. Ревизионизм	44
7. Историческая школа в политической экономии	44
7.1. “Национальная экономия” Ф. Листа	44
7.2. “Старая” историческая школа. “Молодая” историческая школа: историко-этическое направление	47
7.3. “Юная историческая школа”: поиск истоков “духа капитализма”	49
8. Маржиналистская революция и возникновение микроэкономической теории	52
8.1. Общая характеристика маржиналистской революции. Смена пара-	

дигмы в экономическом анализе	52
8.2. Предшественники маржинализма	53
8.3. Английский маржинализм	56
8.4. Американский маржинализм	60
8.5. Лозаннская школа	61
9. Политическая экономия в пореформенной России	63
9.1. Фритредерство и протекционизм	63
9.2. Компаративистика и идея “народной экономии”	64
9.3. Политическая экономия народничества	65
9.4. Легальный марксизм	67
9.5. Критика марксизма	68
ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ	71
ГЛОССАРИЙ*	

---

* Глоссарий расположен в середине учебного пособия и предназначен для самостоятельного заучивания новых понятий.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

Элементы экономического анализа в общественной мысли древности и средневековья. Античный мир. Древний Китай. Христианский Запад. Схоластика.

Меркантилизм и развитие нормативного экономического анализа. Общая характеристика меркантилизма. Атлантический меркантилизм. Научная революция XVII в. и политическая экономия. Среднеевропейский меркантилизм - камералистика. Меркантилизм в России. Литература проектов.

Развитие позитивного экономического анализа. Физиократы - первая школа экономистов. Меркантилистская дилемма и количественная теория денег. Эффекты Кантильона - Юма. Дилемма доходов. Физиократы - первая школа экономистов.

Эпоха классической политической экономии. Историографические замечания. Экономическое учение А. Смита. Мальтус и Рикардо. Общественная деятельность Д. Рикардо. Теория ценности, капитала и земельной ренты Д. Рикардо. Политическая экономия и идеология. Экономический романтизм С. де Сисмонди. Либеральный оптимизм. Компромиссная политэкономия Дж. Ст. Милля.

Социалистические утопии и экономическое учение марксизма. Утопический социализм. Философские и политико-революционные истоки марксизма. "Капитал" Маркса. Ф. Энгельс об основном противоречии капитализма. Маркс и Энгельс об организации производства, обмена и распределения в плановом хозяйстве.

Историческая школа в политической экономии. Национальная экономия Ф. Листа. Старая историческая школа. Историко-этическое направление.

Маржиналистская революция и становление микроэкономического анализа. Маржиналистская революция: общая характеристика. Смена парадигмы в экономическом анализе. Предшественники маржинализма. Австрийская школа. Англо-американская школа. Лозаннская школа.

Политическая экономия в пореформенной России. Фритредерство и протекционизм. Компаративистика. Политическая экономия народничества. Легальный марксизм. Критика марксизма.

Примечание. Знаком (*) отмечены работы, использованные при составлении тематического обзора.

ЛИТЕРАТУРА

Базовая

1. Всемирная история экономической мысли*. В 6-ти томах. / Под ред. В.Н.Черковца М., 1987-1997.
2. Костюк В.Н. История экономических учений. 1997.

Дополнительная

3. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. Спб., 1998.
4. Аникин А.В. Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1990.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе*. М., 1995.
6. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М., 1959.
7. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений*. М., 1995.
8. Кейнс Дж.М. Избранные сочинения. М., 1993.
9. Ленин В.И. Карл Маркс // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 26.
10. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 13.
11. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 3. Приложения В - L. М., 1993.
12. Негиши Т. История экономической теории. М., 1995.
13. Селигмен Б. Основные течения экономической мысли XX века. М., 1968.
14. Туган-Барановский М.И. Экономическая наука // Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991.
15. Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. М., 1997.
16. Шумпетер Й.А. История экономического анализа // Истоки. Вопросы народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1 / Под ред. В. А. Жамина М., 1989.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

1. ЭЛЕМЕНТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1.1. Античный мир

Слово “экономика” происходит от древнегреческого понятия “ойкономиа”, объединившего слова “ойкос” - домохозяйство и “номос” - закон. Первым “законы домохозяйства” исследовал в сочинении “Ойкономиа” афинянин Ксенофонт (ок. 430-355 до н.э.). Он дал описание хозяйственного быта греческих полисов и мировой Персидской державы через образы идеализированных правителей и общественных порядков. Ксенофонт положил начало **нормативному экономическому анализу**, который подводит экономические размышления под тот или иной общественный идеал.

Эту традицию укрепил земляк Ксенофонта философ Платон (427-347 до н.э.) в сочинениях “Государство” и “Законы”. Ксенофонт и Платон выступили как приверженцы натурального земледельческого хозяйства, рабовладения в коллективных формах, сдерживания торговли и денежных отношений. Общую собственность господ они считали условием прочности власти над рабами, стремление к денежному обогащению - помехой дисциплине государственности.

Афинские философы скуплезно развивали тему разделения труда. Ксенофонт указывал, что в мастерских крупных городов ремесло дробится на части: один шьет заготовки для башмаков, другой вырезает подошвы, третий - выкраивает передки, а четвертый – все сшивает. “Разумеется, кто проводит время за столь ограниченной работой, тот и в состоянии выполнять ее наилучшим образом”. Так впервые было отмечено повышение производительности труда благодаря его делению на процессы.

Платон подошел к разделению труда с другой стороны, - как к “основному принципу строения государства”, основе распада общества на классы. Для идеального государства Платон предполагал объединение свободных граждан в 3 замкнутых класса - правителей-философов, воинов-стражей и тех, кто занят хозяйственной деятельностью. Лишь для последних допускались торговля и деньги, а ссуды под процент воспрещались.

Для того чтобы страсть к обогащению не овладела философами и воинами, Платон рекомендовал им отказаться от частной собственности, питаться совместно, не иметь индивидуальных жен. Новые города он предлагал создавать вдали от морского побережья и соблазнов торговли, предлагал регламентировать хозяйство и не допускать более чем 4-кратной разницы в имуществе. Он считал нормальным явлением войну эллинов с варварами для захвата рабов.

Придя к выводу, что единственный практический способ воплотить на земле правду возвышенных идей - узаконивание рабства и влияние мудреца на подходящего к идеалу правителя, Платон обратился к тирану Дионисию Сиракузскому, который в силу *своего* понимания мудрости продал философа в рабство. (Русский философ Вл. Соловьев по поводу неудачи Платона заметил: “Хороший урок для мыслителя, который при своих возвышенных умозрениях об истинно сущем и о сверхсущем благе не додумался до той простой истины и того простого блага, что человек не может быть бесправной принадлежностью другого человека”).

Ученик Платона Аристотель Стагирит (384-322 до н.э.) сделал первый шаг к **позитивному экономическому анализу** - описанию хозяйственной жизни в системе

---

* Жирным шрифтом выделены новые понятия, которые необходимо усвоить. Знание этих понятий будет проверяться при тестировании.

взаимосвязанных категорий. Экономике как ведению хозяйства для удовлетворения потребностей Аристотель противопоставил **хрематистику** - "искусство наживать" и "увеличивать до бесконечности" свое состояние в торговой деятельности, где "целью оказывается беспредельное богатство и обладание деньгами".

Отрицательно относясь к хрематистике, Аристотель тем не менее понимал, что она неизбежно вырастает из экономики, хотя и настаивал на запрете ссудного процента. Аристотель выступил против Платона как сторонник частной собственности и семьи, но довел рабовладельческую экономику до "естественного" обоснования - природного неравенства людей. Одни - свободные - предназначены к активной, досужной, ученой деятельности ("схоле"); другие - рабы - к производительному труду. Аристотель считал рабов "первым предметом владения", имуществом, приносящим доход.

Эту теорию продолжили римские писатели Катон Цензор (234-149 до н.э.), Варрон (116-27 до н.э.) и другие. Они изложили принципы рациональной организации частного рабовладельческого хозяйства. Катон обсуждал проблемы наилучшего набора растений и животных, выращиваемых в рабовладельческих имениях с точки зрения самообеспечения и выгодной продажи излишков. Варрон называл рабов "говорящими орудиями", но при этом считал целесообразным их материальное стимулирование.

В отличие от Катона, идеалом которого было натуральное хозяйство обширной латифундии, Варрон исходил из преимущественно рыночной ориентации специализированной виллы, не только продающей излишки, но и покупающей необходимые продукты. В обоих случаях это был нормативный экономический анализ с точки зрения рабовладельцев.

1.2. Древний Китай

Из памятников общественно-экономической мысли Древнего Востока наибольший интерес представляют две главные школы китайской государственной мудрости - конфуцианство и школа "законников". Конфуций (Кун-цзы, ок. 551-479 до н.э.), в форме бесед с учениками изложил основы подхода, который сейчас называется **просвещенным патернализмом** (лат. - отец).

Систему отношений в государстве Конфуций уподоблял патриархальной большесемейной сельской общине: правитель - "отец", чиновники - "старшие братья" народа; - они должны быть "благородными мужами", воплощать "добродетели" и уметь так использовать трудовой люд, чтобы тот не гневался и следовал за властями подобно траве, которая наклоняется, куда дует ветер.

Из почитания "старших" по возрасту и положению в обществе Конфуций выводил обязательность изучения мудрости предков, уважение к традициям и церемониям; а в задачи чиновников включал не только наставление народа, но и увещание правителя, решения которого должны соответствовать "воле Неба". Власти должны заботиться о равномерном распределении богатства в обществе: тогда не будет бедности, в стране воцарится согласие, а народ будет многочисленен.

Основатель школы законников Шан Ян (390-338 до н.э.) и его последователи противопоставили свои взгляды конфуцианству. Они связывали процветание государства исключительно с земледелием и войной. Законники настаивали на праве государя управлять согласно новым писаным законам, рекомендовали уничтожить почитание старых обычаев, книги и музыку, вести активную политику "возвращения к земле" - резко повысить проездные пошлины на заставах, чтобы торговцы терпели убытки и бросали свое занятие, возвращаясь на рисовые поля.

Объединитель Китая (221 г. до н.э.) кровавый деспот Цинь казнил конфуцианских мудрецов, которые не выполнили его требования - дать эликсир

бессмертия, а в качестве идейной основы власти предпочел учение Шан Яна. Но империя Цинь просуществовала недолго: ее свергло народное восстание, приведшее к власти династию Хань ("хань" - до сих пор самоназвание китайцев). Империя Хань приняла конфуцианство как государственную религию, основанную на едином своде ритуальных норм ("китайские церемонии"), стянувших, как обруч китайское общество сверху донизу. За управлением государства в соответствии с нормами должны были следить чиновники, отбираемые в ходе конкурсных экзаменов на лучшее знание древней мудрости - мандарины. В рамках древней мудрости существовали и экономические предписания.

1.3. Христианский Запад. Схоластика

Явление Христа обозначило новую эру в истории человечества. Хотя Спаситель подчеркнул, что его царство "не от мира сего", экономическая проблематика христианского вероучения была весьма обширной. Первоначально христианство было религией обездоленных (говоря современным языком - маргинальных) слоев населения. Тексты Евангелий содержат немало осуждений богатства и ростовщичества: "Скорее верблюд пройдет через игольное ушко, чем богатый в царство небесное"; "если хочешь быть совершенным, пойди продай имение свое и раздай нищим", "давай взаймы, ничего не ожидая взамен".

Апостол Павел наставлял: "Каждый получит награду по своему труду". "Кто не трудится, тот не ест". Эти изречения подготовили почву для *монашеской трудовой аскезы*, которая после падения Римской империи развилась в западноевропейском христианстве благодаря уставу св. Бенедикта Нурсийского (480-549). Этот устав по часам регламентировал жизнь и быт монахов, обязывая их не только молиться и поститься, но и заниматься переписыванием свитков и физическим трудом - корчеванием лесов, пашенным земледелием, разведением живности, ремеслом. Монастырь как обособленное от мира самодовлеющее целое должен был обеспечивать себя всем необходимым. По уставу св. Бенедикта обязал жить монашество своей Западной империи Карл Великий (742-814). Король франков предписывал своим вассалам рачительно хозяйствовать в полученных ими за воинскую службу поместьях - *бенефициях*, иметь в них все необходимое.

Устав св. Бенедикта и "Капитулярий о поместьях" Карла Великого определили натуральнохозяйственные ориентиры, а жесткое деление на 3 сословия - "молящихся, сражающихся и трудящихся", - социальный идеал западноевропейского *каролингского феодализма*.

С началом второго тысячелетия христианской эры в жизни Западной Европы обозначились значительные перемены, одной из которых стало развитие **схоластики** - системы формально-логического обоснования веры, с охватом в пределах католического богословия накопленных знаний и различных предписаний. Схоластика на несколько веков определила и рамки нормативного экономического анализа: религиозные предустановления относительно хозяйственной практики.

Схоласты XII в. - Бернар Клервоский, Грациан Болонский, Петр Ломбардский - величайшим грехом (наряду с гордыней) провозглашали алчность, относили торговлю к прегрешениям против праведности, клеймили ростовщичество (лихоимство). Католическая церковь официально запретила в 1179 г. ростовщичество клирикам, а в 1311 г. и мирянам; последний запрет стал для жадного французского короля Филиппа Красивого одной из причин для разгрома богатого ордена тамплиеров, кредитовавшего монархов и внедрявавшего практику безналичных расчетов.

Крупнейший схоласт Фома Аквинат (1225-1274) в свой главный трактат "Сумма теологии" наряду с аргументами против взимания процента (напр., "процент - плата за время, а время принадлежит Богу") включил учение о

справедливой цене. Такая цена должна была включать покрытие издержек, связанных с производством и транспортировкой продукта, (включая риск разбойных нападений и стихийных бедствий), и доход, позволяющий продавцу вести образ жизни, соответствующий его сословию. Таким образом, “справедливая цена” должна была отражать богоустановленную *сословную иерархию* - “подняться выше своего сословия грешно”.

Оппонент Аквината по богословским вопросам Иоанн Дунс Скот (1266-1308) ввел в экономическое учение схоластов понятие *капитала*, получившее с XI в. распространение в торговых договорах, понимая под ним исходную сумму средств, вкладываемых в дело и могущих приносить прибыль. Практика развивавшихся коммерческих отношений побуждала обходить каноны. Якоб из Вораджо (XIII в.) - архиепископ Генуи, одного из богатейших торговых центров того времени, в своей “Золотой легенде” уподоблял Христа купцу: на корабле креста Он приплывает, чтобы дать возможность людям обменять земные преходящие блага на вечные.

Римский папа Климент VI в 1343 г. обосновал продажу индульгенций тем, что католическая церковь имеет в своем распоряжении неисчислимые заслуги Христа и святых и может распределить часть этого сокровища между верующими. Отдельные схоласты XIV в. (Лоренцо Ридольфи) стали склоняться к оправданию прибыли, а в XV в. Антонин Флорентийский (1389-1459) “настоящим капиталом” называл уже только деньги, помещенные в торговлю, а Бернардин Сиенский (1380-1444) призывал в проповедях не держать деньги мертвым грузом, а вкладывать их в торговлю, наполняя склады и лавки товарами, принося пользу своему городу.

Оправдание алчности подготавливало переход к новым формам нормативного экономического анализа, ставившим в центр внимания обогащение государства. Публикатор античных текстов, литератор-предприниматель и канцлер Флорентийской республики Поджо Браччолини (1380-1459) в диалоге “Об алчности” (ок. 1430) писал, что жажда денег естественна и более того, полезна для общества, поскольку способствует возвышению потребностей, блеску городов, великолепию памятников. “Деньги - это нужнейший нерв государства, а корыстолюбцы должны считаться его фундаментом и опорой”.

Жажду денег раздували следующие факторы: необходимость в звонкой монете для оплаты изысканных товаров Востока (пряности, благовония, шелковые ткани, ковры, самоцветы, фарфор и т.д.) и потребности государей “разного калибра” - королей, герцогов, курфюрстов - в белом и желтом металле для вознаграждения своих солдат (с появлением огнестрельного оружия армии стали преимущественно наемными) и для соревнования в придворной роскоши.

С середины XV в. стала быстро расти добыча серебра в Европе (особенно в пределах Священной Римской империи германской нации), а великие географические открытия и колониальные захваты в Новом Свете обеспечили европейцам обильный приток благородных металлов. Более всех досталось Испании, прозванной тогда “владычицей рудников”.

Интенсификация злато-серебряных потоков формировала в XVI в. новый мир - мир господства товарно-денежных отношений, которые развиваются по своим собственным законам, неподвластным ни простому смертному, ни даже сильному мира сего.

Стремясь раздобыть золото и серебро, властители прибегали к разнообразным средствам - войнам, поборам с подданных, алхимическим опытам, порче монеты. Последним особенно грешили первые французские короли династии Валуа, нуждавшиеся в деньгах во время неудачно складывавшейся для них Столетней войны, и негативно прославленный Генрих VIII Английский (он получил прозвище “старый медный нос”, поскольку тонкий слой серебра на монетах с его изображением в обращении стирался, и медью проступала наиболее

выпуклая часть королевского профиля. Порча монеты приводила к уменьшению покупательной способности денег - росту цен, и это было замечено советниками королей: французским схоластом Николаем Орезмом (1321-1382) - его "Трактат о монете" был напечатан лишь в 1501 г., а также инициатором создания Лондонской королевской биржи Томасом Грешэмом (1519-1579).

Лейб-экономисты обобщили свои наблюдения того, как порченные монеты приводят к вытеснению полновесных из оборота и росту цен (в современных терминах - к *тезаврации* и *инфляции*), выводом: "Худшие деньги *вытесняют из обращения лучшие*". Это правило в конце XIX в. было названо законом Грешэма, хотя резоннее было бы его назвать "законом Орезма"; было выяснено, что его сформулировал и польский каноник Николай Коперник (1473-1543), всемирно известный как великий астроном, создатель гелиоцентрической системы мира.

Но порча монеты была не единственным явлением денежного обращения XVI в., озадачившим мыслителей и дельцов. Звонкой монеты становилось все больше, но покупательная способность ее уменьшалась (*революция цен*). Королевский юрист Франции Жан Боден (1530-1596) первым указал, что главная причина невиданного дотоле роста цен заключается в наплыве благородных металлов из Нового Света, через "владычицу рудников" - Испанию, - перетекающих в соседние страны. Боден сделал первый шаг к **количественной теории денег**, подойдя к правилу пропорциональности объема денежной массы и уровня цен, выражаемому в наше время уравнением Фишера:

$$MV = PQ, \text{ откуда } P = MV / Q, \text{ где:}$$

P - уровень цен, M - количество денег в обращении, V - скорость оборота денег, Q - объем товарной массы.

Ж. Боден - крупнейший государствовед XVI в. - был наряду с другими учеными мужами того времени озабочен проблемой королевских доходов. В своих сочинениях он дал систематический обзор "финансов, нервов государства", перечислил основные возможные и желательные формы поступлений денежных средств в казну. Он был удовлетворен тем, что торговля обеспечивает Франции благоприятный *денежный баланс* - из Испании и других стран течет золото как плата за французские вина, соль, рукоделие и другие товары.

Была и еще одна причина притока именно золота во Францию - в этой стране курс желтого металла по отношению к белому был наиболее высок: 1 к 12, тогда как в остальной Европе в среднем 1 к 11. Почва для спекулятивных операций предприимчивых дельцов становилась все более благоприятной. Обращая на это внимание, итальянский банкир Гаспаро Скаруффи (1519-1584) в своей работе "Рассуждение о монете и истинной пропорциональности между золотом и серебром" (1582) предлагал созвать международный съезд для выпуска общеевропейской монеты и установления единого соотношения золота к серебру (1:12).

Предложениями о регулировании денежных потоков не ограничивается в XVI в. развитие нормативного экономического анализа. Новое направление в нем открыло сочинение английского гуманиста и государственного деятеля Томаса Мора (1478-1535) "Золотая книжечка, сколь полезная, столь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия" (1516). Т. Мор основал традицию обличения пагубных последствий отношений, основанных на неравном праве частной собственности, сквозь призму образа идеального справедливого общества без частной собственности - традицию **утопического социализма**.

Начав с осуждения злоупотреблений английских лордов огораживаниями, - закреплением угодий в свою частную собственность для разведения овец и экспорта шерсти и за счет лишения средств к существованию мелких держателей-

земледельцев (“овцы пожирают людей”), правдоискатель Т. Мор закончил осуждением злоупотреблений “старого медного носа” Генриха VIII, из-за любовной прихоти порвавшего с папским Римом и пустившего на продажу и огораживания земли английских монастырей. Философ обрек себя на эшафот, а Англия явила миру “королевскую реформацию”, заняв свое весьма видное место в расколе Запада на силы католицизма и *протестантизма*. Основатели последнего германец Мартин Лютер (1483-1546) и франко-швейцарец Жан Кальвин (1509-1564) разработали в рамках религиозной реформации доктрину, ставшую основой “духа” западного капитализма.

Лютер, начав свой протест с осуждения торговли индульгенциями, стал проповедовать ненужность католического клира для спасения души верующих, поскольку это спасение уже предопределено Богом до рождения каждого. Кальвин развил это учение о предопределении, о смерти Христа за спасение избранных, о невозможности заслужить благодать земными делами. Но зачинатели Реформации делали вывод о необходимости уверовать в свою избранность к спасению и видеть ее подтверждение в деловых успехах.

Протестантская (особенно кальвинистская) этика приравнивала профессиональную трудовую деятельность к религиозному призванию, “мирскому аскетизму”: деловые успехи - знак освоенности благодатью, и во имя славы Божией должно совершенствовать мастерство и расширять масштабы дела, не расточая полученные доходы в роскоши и праздности, а обращая их на дальнейшее накопление капитала.

Важным различием между Лютером и Кальвином было толкование ими ссудного процента. Лютер, проклиная тесно связанных с папством богатейших банкиров века Фуггеров, выступил как яростный антипроцентщик (и свирепый антисемит, чьи сочинения против евреев-ростовщиков были в XX в. растиражированы в миллионах экземпляров по указу Гитлера). Кальвин, не менее ярый в “патетической бесчеловечности” (М.Вебер) своего учения о предопределении, объявил практику взимания процента дозволенной и соответствующей духу благочестивой деловитости.

2. МЕРКАНТИЛИЗМ И РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

2.1. Общая характеристика меркантилизма

В XVII в. нормативная экономическая мысль обособляется от религиозной и философской литературы и сосредоточивается на проблеме “как государство богатеет”. Ретроспективно многообразие трактатов-рекомендаций и мер практической политики по умножению государственного богатства было обобщено введенным Адамом Смитом понятием меркантилизма. Смит раскритиковал меркантилизм как ошибочное направление экономической мысли и экономической политики, сведя его к двум основным принципам:

- 1) богатство страны состоит из золота и серебра;
- 2) эти металлы могут притекать в страну, не обладающую рудниками, только в результате благоприятного торгового баланса, т.е. превышения вывоза над ввозом.

Следуя за Смитом, историки экономической мысли выделяют в конгломерате мнений авторов, относимых к меркантилистам, два этапа экономического “протоанализа” - примитивную доктрину *specie-accumulation* (буквально “накопление звонкой монеты”), или “бульонизм” (*англ. bullion* - слиток благородного металла), и более позднюю и зрелую доктрину “торгового баланса”.

К первому этапу относятся Ж. Боден и ряд других авторов XVI - XVII в., особенно испанских и английских. Это вертикальный, временной разрез

европейского меркантилизма. Его “горизонтальный” разрез - варианты экономической политики, нацеленной на создание сильных централизованных национальных государств в условиях разложения средневековых порядков. В таком разрезе можно выделить два основных направления - атлантическое и среднеевропейское.

Первое представлено такими государственными и коммерческими деятелями, как Томас Манн (1571-1641), Оливер Кромвель (1599-1658), Уильям Петтин (1623-1687) - в Англии; Генрих IV Бурбон (король в 1594-1610), Антуан де Монкретьен (1575-1621), кардинал Ришелье (фактический правитель и “генеральный сюринтендант торговли и навигации” в 1626-1642), Жан-Батист Кольбер (генеральный контролер финансов в 1665-1683) - во Франции. Все они были сторонниками активного торгового баланса страны как способа ее обогащения.

2.2. Атлантический меркантилизм

Исходя из того, что сильная централизованная власть будет содействовать национальному купечеству в борьбе за полное господство на внутреннем рынке и отвоевание как можно большей доли в складывающемся мировом рынке, меркантилисты выступали как идеологи купеческого капитала и сильной государственности. Они без стеснения отстаивали политику “разори соседа” и оправдывали пиратский империализм. Наиболее выгодной торговлей они считали морской и океанический транзит и со смешанным чувством восхищения и ненависти взирали на Голландию, захватившую в XVII в. первенство в мировой дальней торговле.

Меркантилисты идентифицировали богатство с *властью над обменом* - с благородными металлами как средством обмена, с опирающимся на поддержку государственной власти контролем над маршрутами обмена, с организацией производства таким образом, чтобы торговый баланс страны был наиболее выгоден и приносил как можно больше наличности. Отсюда и рекомендации: умножать торговый и военный флот, основывать монопольные торговые компании для заморской торговли и колониальной экспансии в дальних странах.

В течение трех столетий “меркантильная система не переставала быть одной из важнейших причин пролития крови человеческой”, - писал русский экономист Николай Тургенев, имея в виду *торговые войны*, которые Англия и Франция вели сначала с Испанией и Голландией (XVI-XVII вв.), а затем между собой (XVIII в.). Англия преуспела в этой борьбе, став “владычицей морей” и гегемоном в мировой торговле, захватив вожаемый “приз” меркантилизма - Индию.

Развернутыми обоснованиями экономической политики меркантилизма были “Трактат политической экономии” (1615) А. де Монкретьена, “Политическое завещание” (1638) Ришелье, “Богатство Англии во внешней торговле” (опубликовано в 1664) Т. Манна, который писал: “Деньги созидают торговлю, а торговля умножает деньги”. Вывоз товаров на собственных судах, низкие пошлины на экспортируемые и реэкспортируемые, - привозимые из Индии - товары, удешевление продажи экспортируемых товаров для закрепления на рынках сбыта, ограничение в питании и одежде потребления заграничных товаров, развитие внутреннего производства предметов роскоши - чтобы излишества богатых давали работу бедным, культивирование пустошей для избавления от траты денег на импорт (напр., корабельных товаров), - такова стратегия торговли по Т. Манну. Любопытно, что его рекомендации, составленные за 10 лет до начала Английской революции, а изданные уже после реставрации Стюартов, выдержаны в том же направлении, что и Навигационный акт (1651) монархоубийцы и революционного диктатора Кромвеля, направленный против транзитной торговли Голландии и заложивший основы британского господства на океанах.

Во Франции же с 1664 г. проводилась политика *кольберизма*, включившая : запретительные таможенные тарифы на вывоз продовольствия и сырья и ввоз готовой продукции; основание самим государством и искусственное поощрение предпринимателей к созданию предприятий обрабатывающей промышленности (особенно по производству предметов роскоши); войны, дипломатия, колониальная экспансия (особенно в бассейне Миссисипи), судостроение, прорытие Лангедокского канала между средиземноморским и атлантическим побережьями Франции - все для содействия активизации экспорта.

Спустя 50 лет своеобразную третью стадию меркантилизма составил финансовый эксперимент во Франции авантюриста-шотландца Джона Ло (1671-1729). Отмечая, что шансов у Парижа стать торговой столицей мира нет, так как город этот удален от моря, а денежного металла не хватает, Ло, достигший поста генерального контролера финансов Франции, провозгласил, что торговлю и промышленность может стимулировать не только звонкая монета, но и бумажная валюта.

Самоуверенный “бумажный змей Франции” стал во главе Королевского банка и Миссисипской компании, наладил выпуск банкнот и акций, которые можно было покупать за эти банкноты, в рекламном стиле живописал перспективы будущих доходов от разворачивания цепи “кредит - новые предприятия - рост производства и торговли - рост доходов”, получил титул графа Арканзасского и ... бесславно прогорел вследствие спекулятивного отрыва бумажных денег от их металлического обеспечения.

Промышленный меркантилизм Кольбера и бумажно-денежный меркантилизм Ло подорвали хозяйство и финансы Франции, получившей вместо торгового баланса социально-экономический дисбаланс, в итоге повлекший за собой Великую революцию 1789-1799 гг.

2.3. Среднеевропейский меркантилизм – камералистика

В удаленных от Атлантики и отрезанных султанской Турцией от европейских южных морей королевствах и княжествах Священной Римской империи германской нации меркантилизм принял форму **камералистики** - разработки системы принципов государственного управления и подготовки чиновников для наилучшего обеспечения доходов казны.

Талантливый изобретатель и известный своей честностью алхимик Иоганн Иоахим Бехер (1635-1682) предложил в 1666 г. создать при общегосударственном финансовом органе державы австрийских Габсбургов - гофкамере - особую Коммерц-коллегию для развития дальней торговли. Бехер первым ввел для обозначения предприятий обрабатывающей промышленности термин **“мануфактура”** и поставил вопрос о том, какие мануфактуры наиболее выгодны для государства.

Он основал в Вене (1676) при императорском дворе предприятие для алхимических опытов и изготовления наиболее прибыльных товаров - керамических и ювелирных изделий, шелковых и шерстяных тканей, медикаментов и венецианского стекла.

Предприятие Бехера продолжил Вильгельм Шредер, считавший важным не только производить мануфактурные товары для продажи за звонкую монету, но и удерживать последнюю в обращении, а не “хоронить” в слишком больших расходах казны или в сокровищницах монастырей. Родственник Шредера Филипп фон Хорник (1638-1712) написал памфлет “Австрия превыше всего”(1684), в котором вывел 9 правил экономической политики, среди которых выделялось четвертое: “золото и серебро, раз полученные страной из собственных рудников или посредством обмена с заграницей, ни при каких обстоятельствах не должны быть похоронены в сундуках и ящиках, но должны всегда оставаться в обращении”.

Его можно назвать *дилеммой спроса на деньги*: фон Хорник (как и Шредер) подчеркивает различие и возможное противоречие между накоплением денег как средства обращения и как сокровища, между спросом на деньги *транзакционным* (для деловых оборотов) и *тезаврационным* (хранение золота и серебра в виде запасов или ювелирных изделий).

Другие правила: осмотр каждого участка земли для выявления его возможностей в сельском хозяйстве, заводском деле и особенно в поисках золота и серебра; переработка всех ресурсов внутри страны, поскольку выручка от продажи мануфактурных изделий может в 2, 3, 10, 20 и даже 100 раз превзойти ценность сырья; поощрение населения должно к “выгодным профессиям”, ко всем видам изобретений, ремесел и торговли, с привлечением иностранных наставников ограничение ввоза иностранных продуктов и их покупка в случае необходимости или “ввиду неискоренимых пороков” по возможности не за золото и серебро, а за счет обмена на изделия внутреннего производства; поиски рынков сбыта в отдаленных странах для продажи товаров иноземцам за золото и серебро и т.д.

Обращает на себя внимание отсутствие (понятное по геополитическим причинам) в этих правилах слов о кораблестроении и морской торговле - “континентальный” отпечаток в противоположность устремленному к океану меркантилизму островной Англии и приморской Франции.

Влияние германской камералистики сказалось в скандинавских странах - Швеции, где сложилась стройная система управления через коллегии, и Дании, где для большей отдачи чиновников порядок прохождения ими службы был определен “Табелью о рангах”.

2.4. Политическая экономия и научная революция XVII в.

Термин А. де Монкретьена “политическая экономия” постепенно, в течение почти 2-х веков, становился синонимом экономической науки - как нормативной, так и позитивной. Развитию последней мощный импульс дали научная революция XVII в. и философия Просвещения, поставившие в центр категорию “законов природы” и возможности разума познавать и использовать эти законы.

Научная революция XVII в., связанная с именами Г. Галилея, И. Кеплера, Р. Декарта, Б. Паскаля, Х. Гюйгенса, Г.В. Лейбница, И. Ньютона и других великих умов, принесла понимание математики как языка, на котором читаются законы природы. Первым, кто стал изучать экономические проблемы на языке чисел, мер и весов, был британец Уильям Петти (1623-1687) - врач, корабельщик, памфлетист, карьерист, приватизатор земель разгромленной Кромвелем Ирландии и один из основателей Лондонского королевского общества.

К. Маркс титуловал этого гения-выскочку (ставшего сэром и отказавшегося быть пэром), “отцом политической экономии” и “изобретателем статистики”, считая Петти зачинателем *теории ценности*. Петти был в духе своей эпохи меркантилистом, но несколькими идеями заметно опередил эту эпоху.

“Первое, что необходимо сделать, - писал Петти в “Трактате о налогах и сборах” (1662) - это подсчитать”. Он развил этот подход в главном сочинении “Политическая арифметика” (1676, опубликовано посмертно), “прокладывая дорогу” экономической статистике как особому предмету исследований. Среди того, что намеревался считать Петти, была и “основа сравнения и сопоставления ценностей” различных товаров.

“Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого”. Эталон “*естественной цены*” - делал вывод Петти - создает труд, затраченный в производстве и доставке золота и серебра. Так был сделан важный

шаг в представлениях о *естественных* экономических законах и категориях.

Петти сформулировал знаменитый афоризм: “Труд есть отец и активный фактор богатства, земля его мать”. Купцов он сравнивал с “венами и артериями, распределяющими туда и назад кровь и соки государственного тела, а именно продукцию сельского хозяйства и промышленности”. Петти исключительно ярко описал повышение производительности от разделения процесса труда на мелкие операции, избрав для примера изготовление часов, что стало многозначительным предвосхищением промышленной революции XVIII в., когда часовая промышленность стала эталоном механического мастерства для изобретателей машин и символом движения от научной революции XVII в. и углубления принципа разделения труда к техническому прогрессу в современном смысле этого слова.

Еще одно предвосхищение Петти - наблюдение, что по мере того, как экономическое развитие общества идет вперед, проявляется тенденция к сокращению количества занятых в сельском хозяйстве по сравнению с занятостью в промышленности, а затем и занятых в промышленности по сравнению с занятостью в торговле и сфере услуг. Английский экономист XX в. Колин Кларк, обобщивший в теории “трех секторов производства” эту тенденцию, предложил назвать ее **законом Петти**.

Для А. де Монкретьена термин “политическая экономия” имел сугубо нормативный смысл. Проникновение в экономическую мысль У. Петти идеи естественного закона обозначило движение в сторону позитивной политической экономии.

2.5. Первые российские меркантилисты

С доктриной активного торгового баланса правительство русского царя Алексея “Тишайшего” познакомил французский дворянин-наемник, в 1651 г. посуливший царской казне увеличение золота за счет экспорта новых товаров, привлекательных для западных рынков. Таким товаром был тогда поташ, и обилие заведений для его производства заметил хорват Юрий Крижанич (1618-1683), приехавший в 1659 г. в Москву с далеко идущими планами: уговорить русского царя принять католическую веру и стать во главе “растерянных” славян.

Эти планы обернулись для высокообразованного миссионера почетной ссылкой в Тобольск - центр русского управления Сибирью, где Крижанич провел 15 лет, написав “Политичны думы”, или “Беседы о правлении”. Позже Крижанич через Москву выехал в Речь Посполитую, а в 1683 г. вместе с польскими войсками Яна Собесского нашел свою смерть в победоносном сражении католиков с турками под Веной. Его рукопись осталась в домах некоторых образованных московских бояр, была скоро забыта и лишь в 1859 г. опубликована, обратив на себя внимание своей масштабностью и меркантилистским содержанием экономических рекомендаций.

Крижанич сетовал, что “русские, поляки и весь народ славянский совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху”; отмечал засилье еврейских и германских торговцев в Польше и притеснение на российском рынке малокультурного и разрозненного местного купечества значительно лучше организованным иностранным торговым капиталом.

Богатство западных государств он связывал с тем, что “имеются хорошие и удобные корабельные пристани и торжища и где поэтому процветает всякое ремесло и земледелие и великая морская торговля”, а московское царство хотя и “безмерно велико”, но со всех сторон закрыто для морской торговли. Крижанич настаивал на завоевании Крыма и наполнении русскими кораблями Каспийского моря, а для обеспечения развития промышленности рекомендовал облагать чужеземных торговцев особой “рудной” пошлиной: позволять свободно приходить и торговать лишь при условии, “что на каждом возу и на каждой

ладье сверх иных товаров привезут и немного какой-нибудь руды (серебра, меди, олова, свинца, хорошего железа)».

Современником Крижанича и даровитейшим русским сановником был Афанасий Ордин-Нащокин (1605-1680), ближних дел боярин, хранитель печати и глава Посольского приказа. Он достиг вершины своей карьеры в 1667 г., когда царь утвердил подготовленные им Новоторговый устав и договор с Джульфарбской компанией купцов-армян (о транзите шелка из Ирана не через Турцию, а по Волге через Россию), а с верфи в вотчине Ордин-Нащокина сошел первый русский военный корабль для охраны торгового мореплавания на Каспийском море.

Новоторговый устав, чтобы обеспечить приток в казну звонкой наличности и поддержать русское купечество, устанавливал существенные ограничения на торговлю иностранцев в России, устанавливал для них размеры пошлин в золоте и серебре и т.д.

Ордин-Нащокин и Крижанич предвосхитили направление реформ Петра Великого, отразивших всю яркую палитру европейского меркантилизма - и атлантического, и германо-скандинавского (см. табл.). «Коронованный революционер», действовавший в основном стихийно, без продуманной программы, бурным течением начатых им преобразований был подведен к меркантилистской политике.

Таблица

<i>Рекомендации меркантилистов</i>	<i>Преобразования Петра Великого</i>
Всемерное поощрение заморской торговли и кораблестроения, создание привилегированных компаний	Создание флота (свыше 25 верфей, св. 1000 кораблей), принуждение купечества к «кумпанствам», сооружение первых в России каналов
Насажение мануфактур для экспорта промышленных изделий	Более чем 10-кратное увеличение числа мануфактур в России (от 20 до 220); текстиль (холст, полотно, парусина) составил более трети экспорта
Создание оживленного денежного оборота благодаря хорошей монетной системе, экспорту, колониальной торговле и горному делу	Установление новой монетной системы, основанной на десятичном принципе и машинной чеканке; создание уральской железоделательной и медеплавильной промышленности, начало добычи серебра и свинца в Сибири
Охват национального хозяйства таможенными пошлинами, направляющими промышленность и торговлю	Первый русский таможенный тариф (1724), предписывавший взимание 75%-й пошлины с импорта железа, текстиля и т.д. и беспошлинный импорт шелка-сырца и другого сырья
Воинственность по отношению к другим странам, борьба с ними за сбыт, за колонии, за торговое преобладание	Северная война с Швецией за выход к Балтике (1700-1721), Азовские (1695-1696) и Прутский (1711) походы против Турции, Персидский поход (1722-1723); стремление найти путь в Индию

2.6. Литература проектов времен Петра I

Петр получал немало записок от людей, предлагавших ему те или иные экономические проекты. Среди авторов этих проектов были и француз барон Люберас, и выучившиеся по воле царя за границей молодые аристократы Федор Салтыков (умер в 1715 г. в Англии, где выполнял поручения Петра, связанные с расширением Балтийского флота), и Иван Щербатов (1696-1761); а выходец из крестьян, изобретатель и приобретатель Иван Посошков (1652-1726) с рукописью секретной “Книги о скудости и богатстве” (главная идея - сословная монополия на торговлю, ограждение русского купечества от конкуренции иноземцев и “иночинцев”) сам поехал к императору, но умер.

Салтыков рекомендовал именными царскими указами и для “соблюдения великого числа денег” объединять купцов в компании с принуждением “заводы заводить” и “торговать в иные государства”. В 1720 г. Щербатов перевел на русский язык сочинение Дж. Ло “Деньги и купечество” и предлагал “учинение банков” и выпуск “банковых писем” (бумажных денег). Петр с интересом относился к Джону Ло, но не как к финансисту-авантюристу, а как к стороннику расширения торговых связей с Россией, и через нее - с азиатским Востоком. В беседах с русским послом в Париже Ло интересовался возможностью торгового транзита через Ледовитый океан, а Петр, в свою очередь, после краха “системы Ло” хотел пригласить шотландца в Россию, дабы использовать его деловую энергию для колонизации каспийского побережья.

2.7. Идея евразийского транзита

Петр, по справедливому замечанию его апологета С.М. Соловьева, “не спускал глаз с Востока”, ожидая обогащения русского народа от торгового посредничества между Европой и Азией. Едва утвердившись на берегах Балтийского моря, он перенес свою деятельность к Каспийскому, хотел прибрать к рукам иранское шелководство и разными - в том числе весьма необычными путями - “учинить купечество” в Индии. Петр и его сподвижники, а до них - Крижанич и Ордин-Нащокин - по-меркантилистски смотрели на евразийский транзит (через Причерноморье, Каспий, Среднюю Азию) как на источник богатства России.

Также считал и Михайло Ломоносов (1711-1765). Гениальный ученый проявил себя как меркантилист-практик (основание фабрики для производства цветного стекла и другой галантереи, чтобы “так размножить, что и за море отпускать оные можно будет”, тем самым не только сохраняя в России “сумму, которая ныне за такие ж вывозные вещи у российских подданных в расходе бывает, и из государства вон выходит”, но и получая дополнительную денежную выручку). Крижанич: “Со временем и по морю отсылать свои лады” из заполярной Мангазеи в обход материка; Салтыков (в проекте - отдельная глава, “о взыскании свободного пути морского от Двины-реки, даже до Омурского устья и до Китай”), Ломоносов: “Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном”), - мечтали о русской торговле с азиатскими странами через Ледовитый океан.

Жизнь Ломоносова пришлось на эпоху “дворцовых переворотов” и фаворитизма, который в России, по словам известного писателя-историка К.Валишевского, стал “государственным учреждением”. Установленные Петром “указное” предпринимательство и “кумпанства” выродились при самодержицах Анне и Елизавете в раздачу приближенным ко двору монопольных прав на самые доходные статьи внешней торговли и промыслов. Американские авторы Экелунд и Толлисон в 1981 г. предложили, следуя букве А.Смита, трактовать меркантилизм как доктрину общества с ренториентированным поведением

(*rent-seeking society*).

Это значит - активный торговый баланс страны не как прямая цель, а как результат взаимодействия прожектеров, стремящихся получить монопольную ренту благодаря исключительным правам на производство и вывоз конкретных (особенно доходных) товаров, и абсолютной монархии, предоставляющей такого рода привилегии ради удовлетворения своих фискальных (бюджетных) интересов. Россия века императриц – яркий пример такого общества, “расцвеченного” беспрецедентной показной роскошью знати на фоне усугубляющейся тяжести закрепощенного народного труда, “придавленного” плодами реформ императора-меркантилиста.

3. РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА. ФИЗИОКРАТЫ - ПЕРВАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИСТОВ

3.1. Растождествление денег и богатства. Меркантилистская дилемма

К концу XVII - началу XVIII вв. меркантилисты поняли, что накопление золота и серебра само по себе не означает обогащения страны. Их заставил призадуматься яркий пример Испании: “владычица рудников” пришла в состояние экономического упадка - контролировавшийся короной поток драгоценных металлов из Нового Света просачивался через страну в соседние государства, поскольку возросшие внутренние цены делали для знати выгодным импорт более дешевых заграничных товаров, чья конкуренция подавила национальную промышленность. Еще Т. Манн, размышляя о торговле Англии с Ост-Индией, обнаружил *меркантилистскую дилемму*: доктрина “продать дороже, купить дешевле” может обернуться против страны с активным торговым балансом: приток золота и серебра поднимет внутренние цены, что сделает невыгодным местное производство и выгодным - импорт товаров из соседних стран с более низким уровнем цен.

Философ британского парламента Джон Локк (1632-1704) пришел к выводу, что деньги не обладают внутренней ценностью, а их покупательная способность обратно пропорциональна их количеству денег скорости обращения. Четко сформулировав количественную теорию денег, Локк связал ее с *трудовой теорией собственности*. Труд создает “различия стоимости всех вещей”, прибавляя к ним нечто большее, чем то, что природа, общая мать всего, сотворила”. Закрепление в частную собственность продуктов своего труда создает “разницу между этими вещами и общим”.

Деньги являются фактором, дающим возможность расширить рамки собственности и нарушить первоначальное равенство; они сами по себе “бесплодны и ничего не производят”, но “переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого”. Они перераспределяют то “нечто новое и полезное, ценное для человечества”, что естественным образом создает земля.

Для британского парламента, окончательно закрепившего свое исключительное право устанавливать налоги, Локк первым обосновал *разделение налогов на прямые и косвенные* и отстаивал прямые налоги, поскольку косвенные, по его мнению, в конечном счете перекадываются на земледелие, которое он - в соответствии с укоренением в Англии коммерческого землевладения (лендлордизма) считал основанием системы торговли.

Современник Локка негоциант Дадли Норт (1641-1691) в изданных посмертно “Соображениях об Ост-Индской торговле” (1701) соглашался с прибыльностью транзита, но писал о тщетности государственных мер по увеличению количества

денег в стране за счет регулирования условий торговли, поскольку количество звонкой наличности в стране зависит от потребностей товарооборота: когда золота и серебра имеется в избытке, они переплавляются в предметы роскоши, когда их не хватает в обращении, золотые и серебряные вещи превращаются в звонкую монету.

“Эти отливы и приливы денег регулируются сами по себе, без помощи со стороны политиков”. Норт подошел к выводу о саморегулировании денежного обращения и провел разницу между двумя видами спроса на деньги: “Хотя каждый желает иметь их, все же почти никто или очень немногие хранят их, но сейчас же находят способ избавиться от них, зная, что от денег, которые лежат мертвым капиталом, не приходится ожидать пользы, но лишь определенную потерю”.

3.2. Эффекты Кантильона-Юма

Дальнейшее развитие количественной теории денег было связано с критикой эксперимента Джона Ло. Ирландец по происхождению Ричард Кантильон (1680-1734) жил во Франции, когда Ло получил должность королевского банкира. Финансист вызвал к себе Кантильона и дал понять, что ему лучше уехать из страны. Кантильон ответил тем, что быстро купил акции Ло, выгодно перепродал их и уехал из страны миллионером. Позже он погиб в Лондоне от руки собственного повара.

Сочинение Кантильона “Очерк о торговле” было опубликовано через 20 лет после его убийства (1755) и содержало развернутую критику финансового эксперимента Ло и доктрины “деньги стимулируют торговлю”. Кантильон описал эффект “впрыскивания” наличности: увеличение денежной массы не только повышает общий уровень цен, но и изменяет их структуру: цены на одни товары увеличиваются сначала быстрее, чем на другие, и это может стимулировать производство (рост предложения наиболее подорожавших товаров), но только на короткое время.

Независимо от Кантильона к подобным идеям пришел и знаменитый шотландский философ Дэвид Юм (1711-1777) в эссе “О деньгах”, написанном позже, но опубликованном чуть раньше (1752) очерка Кантильона.

Цены сначала одних, затем других товаров растут до тех пор, пока в целом не достигают должного соответствия с возросшим уровнем денежной массы, и “увеличение количества золота и серебра благоприятно для промышленности только в этом интервале, или промежуточном состоянии, между притоком металлов и увеличением цен”.

“Эффект Кантильона” - дифференциальный эффект “впрыскивания” наличности - в XX веке был переоткрыт Дж.М. Кейнсом, писавшим о “диффузии уровней цен”: “количественные изменения денег не воздействуют на все цены одинаковым образом, в равной степени и одновременно”. Затем Кантильона подняли на щит монетаристы, которые сформулировали понятия *нейтральности денег* в долгосрочном периоде и *ненейтральности денег* в краткосрочном периоде, когда расширение денежной массы вызывает значительные изменения уровней относительных цен.

Кантильон и Юм описали также механизм *валютного перелива*: если в какой-либо стране накапливается большая масса драгоценных металлов, то цены в ней растут – растет ввоз товаров из соседних стран с более низкими ценами - происходит отток звонкой наличности в эти страны - количество денег и уровни цен выравниваются.

Кантильон был первым, кто ввел в экономический анализ понятие предпринимателя. **Предприниматель** - это человек с неопределенными, нефиксированными доходами, который приобретает чужие товары по известной цене, а свои будет продавать по цене, ему пока неизвестной.

Главная отличительная черта предпринимателя - риск, а функция - приведение в соответствие предложения со спросом на различных товарных рынках. Предпринимателем (по Кантильону) мог быть и торгующий земледelec, и разбойник.

3.3. Дилемма доходов

Меркантилисты, (включая Петти), считали, что заработная плата рабочих должна оставаться на минимальном уровне, и в то же время прославляли расходы богатых на предметы роскоши, полагая, что лучше тратить деньги на предметы роскоши, чем на благотворительность, так как раздача оставляет деньги в бездействии, а излишества богатых стимулируют промышленность и могут дать бедным дополнительную занятость и пропитание (У. Петти в этой связи защищал “развлечения, великолепные зрелища, триумфальные арки”, повторяя Поджо Браччолини).

Иной взгляд обосновал Пьер Лепезан де Буагильбер (1646-1714) – выходец из французского “дворянства мантии” (так называли людей, занимавших наследственные судебные и административные посты, в отличие от “дворянства шпаги”, служившего королю оружием, - подобно знаменитому д’Артаньяну), купивший в 1689 г. доходную и влиятельную должность генерального лейтенанта судебного округа Руана. Он видел пагубные последствия меркантилистской политики Кольбера для большинства населения Франции.

Для обеспечения пропитанием рабочих Кольбер ввел систему мер искусственного удержания на низком уровне цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, с запретом экспорта. В сочетании с высокими налогами это привело к разорению большинства французского населения. Наивно веря, что принятием ряда королевских законов можно исправить ошибочную политику, и хозяйство поднимется “как на дрожжах”, провинциальный чиновник Буагильбер тщетно пытался убедить в действенности своих предложений преемников Кольбера на посту королевского финансиста. Буагильбер умер в год завершения разорившей страну войны за испанское наследство. Среди его работ главное место занимало “Рассуждение о природе богатства, денег и податей”.

“Надо лишь предоставить действовать природе,” - призывал Буагильбер, - отказаться от максимума цен на зерно и разрешить его свободную продажу. Повышение рыночных цен на зерно увеличит доходы земледельцев и их спрос на промышленные изделия, последнее будет стимулом для мануфактурного производства. В условиях свободной конкуренции стихийно установятся “пропорциональные цены”, которые отвечают затратам труда на их производство.

Буагильбер высказал мысль о влиянии перераспределения богатства с помощью налоговой политики в пользу бедных слоев населения для стимулирования производства. Бедняки склонны быстро тратить свой доход, в отличие от богатых, поэтому увеличение их потребительских расходов будет обеспечивать рынок сбыта, содействуя тем самым и росту производства, и беспрепятственной реализации товаров.

Наука политической экономии, выйдя из лона меркантилизма, через его преодоление постепенно шла к своим первым теоретическим школам - во Франции и в Британии.

3.4. Физиократы - первая школа экономистов

Основателем первой школы экономистов стал Франсуа Кенэ (1694-1774) - колоритная фигура французского “галантного века” и “века Просвещения”. Хирург, акушер, дантист - Кенэ благодаря своему врачебному искусству сделал карьеру

в качестве медика маркизы де Помпадур - фаворитки короля Людовика XV, а затем и медика самого короля. Лейб-медик прописал толстяку-монарху физический труд, и король на типографском станке собственноручно отпечатал произведение своего врача "Экономическая таблица"(1758), где движение товарных и денежных потоков было уподоблено кровообращению в живом организме. Это было, пожалуй, единственное полезное деяние Людовика XV, считавшего вместе со своей фавориткой, что "после нас - хоть потоп". А квартира доктора Кенэ на антресолях Версальского дворца в 1750-е годы стала местом собраний философов и литераторов, среди которых были и те, кто составил круг учеников и последователей - В. Рикети маркиз де Мирабо (1717-1789), П. ле Мерсье де ла Ривьер (1720-1793), П.С. Дюпон де Немур (1739-1817). Дюпон де Немур придумал для характеристики взглядов своего учителя слово "физиократия" (буквально - власть природы), подчеркнув тем самым основополагающие суждения о "естественном порядке" и земле как единственном источнике общественного богатства.

Оба этих положения были полемически настроены против меркантилизма. Не в торговле и не в обрабатывающей промышленности, а в производительности природы источник богатства нации, - считал Кенэ. Только в земледелии создается *чистый продукт*, который потребляется обществом - либо непосредственно, в виде продовольствия, либо в преобразованной форме промышленных изделий. Поэтому физиократы предлагали ввести единый налог - поземельный, считали допустимым ссудный процент только в сельском хозяйстве.

В "антресольном клубе" Кенэ повторяли фразу, произнесенную Венсаном Гурнэ (1712-1759) "позвольте каждому делать свое дело, позвольте делам идти своим ходом". Это означало невмешательство государства, свободу торговли. Формула "естественного порядка" в экономике выражала общий рационалистический дух Просвещения. "Ни люди, ни их правительства не создают и не могут создать законов. Они признают, соответствуют ли законы высшему управлению вселенной разуму, и несут их в общество..."

Идеального государя физиократы представили в образе просвещенного китайского императора, который как представитель естественного порядка заботится о 3-х вещах - охране собственности, всеобщем образовании и строительстве хороших дорог и каналов. Таковы были представления физиократов о функциях государства, с некоторыми коррективами принятые либеральными экономистами следующего века.

Однако, место Кенэ и школы в целом в истории экономических учений определяется прежде всего "Экономической таблицей" - по выражению маркиза Мирабо, "третьим величайшим достижением человечества" после изобретения колеса и денег. "Зигзаги" обращения общественного продукта, которые "чертил" Кенэ, стали первой в истории *макроэкономической моделью*, количественным анализом отношений воспроизводства.

Предпосылки модели следующие:

- воспроизводство является простым, т.е. общественный продукт год от года сохраняется на одном уровне;
- нация состоит из 3 классов граждан - производительного класса работающих на земле, класса собственников земли и "бесплодного" класса, "выполняющих другие занятия и другие виды труда, не относящиеся к земледелию" - в том числе ремесленников и торговцев;
- товарно-денежный обмен происходит только между классами; внешняя торговля и колебания цен под воздействием спроса и предложения не принимаются во внимание.

Земледельцы своим трудом создают чистый продукт в объеме, который в денежном выражении Кенэ принимает за 5 млрд. ливров. Часть его (2 млрд.) в натуре потребляется самими земледельцами (1 млрд. - пропитание, 1 млрд. -

семенной фонд, содержание скота, удобрения), другая (3 млрд.) поступает в оборот: 1 млрд. - для потребления собственников, 1 млрд. - для потребления "бесплодного класса", 1 млрд. - как сырье для производства промышленных товаров "бесплодным классом".

За аренду земли пользователи уплачивают собственникам 2 млрд. (деньгами) - ренту. Собственники тратят 1 млрд. на покупку продовольствия земледельцев и 1 млрд. - на покупку предметов обихода и роскоши у "бесплодного класса" ($2=1+1$).

"Бесплодный" класс получает по 1 млрд. от продажи предметов обихода и роскоши собственникам и инструментов - земледельцам, уплачивая последним 2 млрд. за продовольствие и сырье ($1+1=1+1$).

Земледельцы за свои продукты получают деньгами: 1 млрд. от собственников и 2 млрд. от "бесплодного класса", возмещая уплату ренты и покупая у "бесплодного класса" необходимые инструменты ($1+2=2+1$).

Сумму продукции (натуральный эквивалент 2 млрд.), затраченной на потребление самих земледельцев, новые посевы и содержание скота Кенэ назвал *ежегодными авансами*. Однако, для возобновления процесса производства, требуются и расходы иного рода, связанные с *первоначальными авансами* на оборудование и приведение земли в пригодный для обработки вид, которые в 5 раз больше ежегодных и возмещаются в течение 10 лет (по 1 млрд. каждый год) за счет продукции, приобретаемой земледельцами у "бесплодного класса".

Разграничением *первоначальных и ежегодных авансов* Кенэ заложил традицию структурирования капитала на основной и оборотный, общая сумма годового фонда возмещения составила по таблице 3 млрд., таким образом, остальные 2 млрд. предстали как щедрость природы, позволяющей кормить не только земледельцев и собственников, но и бесплодный класс.

Близкий к кружку физиократов экономист Жак Тюрго (1727-1781) "В размышлении о природе и распределении богатств" (1761) внес уточнение в схему структуры общества, выделив в составе земледельческого и бесплодного классов капиталистов и наемных рабочих. Тюрго подошел к типологии экономических ресурсов, рассмотрев доли продукта, создаваемого за счет вложения капитала: возмещение, куда входит и заработная плата рабочих; часть прибыли, равная ссудному проценту, который обладатель денежного капитала мог бы получить "без всякого труда"; оплата "труда, риска и искусства" инвестора в фабрику или ферму; земельная рента, существующая только в земледелии. Размеры заработной платы Тюрго, как и меркантилисты, ограничивал минимумом средств существования рабочего.

После смерти Людовика XV и Кенэ новый король пригласил Тюрго на пост генерального контролера финансов. Экономист пытался провести реформы, соответствующие духу учения физиократов - отмена ограничений хлебной торговли, замена дорожной повинности поземельным денежным налогом и его распространение на привилегированные сословия и т.д., но натолкнулся на сопротивление аристократов и вскоре вышел в отставку. К. Маркс назвал неудачу и опалу Тюрго "введением к французской революции".

На собраниях физиократов бывал русский посланник в Париже, один из образованнейших людей "золотого века" дворянства, дипломат, естествоиспытатель, почетный академик князь Дмитрий Голицын (1834-1803). Интерес "просвещенной" монархини Екатерины II к идеям физиократов отразился в учреждении Вольного экономического общества "благородных людей для изучения и распространения агрономических знаний" и в приглашении (по рекомендации Голицына) в 1767 г. в Петербург Мерсье де Ла Ривьера только что опубликовавшего свой главный труд "Естественный и необходимый порядок политических обществ".

Заезжий физиократ нашел крепостное "рабство" полной

противоположностью “естественному порядку”, недипломатично излагал свои впечатления (“в России все необходимо уничтожить и затем вновь создать”) и, не поладив с лицемерной “ученицей” энциклопедистов, вскоре уехал.

Неприемлемыми для императрицы всероссийской оказались и предложения в записках князя Голицына предоставить крестьянам личную свободу и право собственности на движимое имущество, оставив землю в помещичьей собственности. Зажиточные крестьяне могут землю арендовать, а наиболее богатые - покупать. Таким образом в народе разовьется “свобода распоряжения избытками” - действенная причина “плодородия полей, разработки недр, появления изобретений, открытий и всего того, что может сделать нацию “цветущей” и создать “среднее сословие”.

Голицын советовал императрице показать пример помещикам, наделив правом собственности дворцовых крестьян. Самодержица лишь посмеялась. На Западе складывалась классическая политэкономия, в России могла быть лишь *крепостническая экономика*: как помещикам извлечь побольше доходов из крестьян.

4. ЭПОХА КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

4.1. Историографические замечания

Вводя понятие “**меркантилизм**” для обобщенной характеристики взглядов тех, кто считал источником богатства нации внешнюю торговлю и отстаивал покровительство государства, расширяя сравнительно с физиократами понятие производительного труда, А. Смит в прославившем его сочинении “Богатства народов” (1776) изложил систему взглядов, которая стала основой *классической политической экономики*.

Само понятие “классическая политическая экономия” не имеет однозначного толкования. Карл Маркс, самый влиятельный экономист XIX века, строил свою теоретическую систему как оппозицию всей предшествовавшей традиции и под “классической” понимал “всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства”.

В сочинении “К критике политической экономики” (1859), непосредственно предшествовавшей его главной работе - “Капитал. Критика политической экономики” (3 тома, изданы в 1867-1895) Маркс отнес к классической буржуазной политической экономике тех авторов, которые, по его мнению, в той или иной форме разделяли *теорию стоимости (ценности)* и исходили из примата производства, не боялись указывать на внутренние противоречия капиталистического способа производства. Такими авторами Маркс считал в Англии: У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо; во Франции: П. Буагильбера, С. де Сисмонди.

Маркс считал капиталистический строй обреченным на крушение вследствие внутренних противоречий и развития классовой борьбы пролетариата; тех же последователей и систематизаторов учения Смита и Рикардо, (начиная с Ж.-Б. Сэя и отца, и сына Миллей), которые принимали отношения рынка и конкуренции как естественные и справедливые в том, что касается распределения доходов, Маркс отнес к “вульгарной политической экономике”; его соратник Ф. Энгельс распространил это определение на возникший в 1870-е гг. микроэкономический анализ (маржинализм). Главной чертой “вульгарной политической экономики” марксисты считали “апологетику капитализма”.

Дж.М. Кейнс, самый влиятельный экономист XX века, формируя в книге “Общая теория занятости, процента и денег” (1936) основы макроэкономического анализа, по-своему интерпретировал понятие “классическая школа”, отнес к нему тех, кто разделял *закон рынков* - представление о способности экономики свободной конкуренции, основанной на частной собственности, к саморегулированию.

В таком понимании приверженцами “классической школы” стали выглядеть не только А. Смит и Д. Рикардо, но и Сэй, Дж. Милль, Дж.Ст. Милль, а также А. Маршалл, Ф. Эджуорт, А.С. Пигу - экономисты Кембриджской школы, из которой вышел сам Кейнс.

К концу XX века экономисты силой исторического опыта пришли к выводу, что аргументы К. Маркса - о необходимости замены капитализма социализмом для успешного развития производительных сил, - и Дж.М. Кейнса - о необходимости крупномасштабного государственного вмешательства в экономику для успешного развития капитализма - оказались “немного” преувеличенными. Понятие “классическая политическая экономия” приобрело некоторую расплывчатость.

Наиболее авторитетные современные историки экономической мысли - англичанин М. Блауг, японец Т. Негиши - используют понятие “классическая экономическая теория”, не давая четкого определения, но подразумевая таких авторов, как Смит, Рикардо, Мальтус, Сэй, Дж.Ст. Милль.

Но какой конфигурации понятия “классическая экономическая наука” ни придерживаться, в любом случае центральными фигурами будут шотландец Адам Смит (1723-1790), профессор нравственной философии в университете Глазго, крупнейший экономист XVIII века, и Давид Рикардо (1770-1822), великий экономист XIX века, - удачливый делец-миллионер, мыслитель-теоретик и активный политик-парламентарий.

4.2. Экономическое учение А. Смита

Первая книга А. Смита “Теория нравственных чувств” (1759) подытожила разработку проблем этики философами шотландского Просвещения, в том числе старшим другом Смита-Юмом. Смит выводил нравственные правила из обобщения разумом того, что подсказывается данным всем людям природным чувством симпатии и среди прочего критиковал нарочитый цинизм скандального автора Бернарда Мандевиля (1670-1733), который в нашумевшей в Англии в 1720-е годы “Басне о пчелах” поэтизировал парадоксальную формулу “пороки частных лиц - благо для общества”. Обрисовав процветавший благодаря неравенству и расточительству улей, Мандевиль изобразил плачевное состояние того же улья и тогда, когда были ликвидированы все дурные наклонности богачей, и заключил:

Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок.
Достатка - все тому свидетель -
Ему не даст лишь добродетель.

И те, кто век вернет иной,
Прекраснодушный, золотой,
Верша все честными руками,
Питаться будут желудями.

перевод А.Л. Субботина

Смит осуждал Мандевиля за “легкомыслие” и отождествление с пороками “низшей добродетели” - естественного стремления к личным удовольствиям, комфорту, роскоши и т.д.

Позднее К. Маркс расценил “Басню о пчелах” как сатиру на буржуазное общество. Величайшему коммунисту не пришло в голову рассматривать произведение Мандевиля как *антиутопию* - предостережение тем, кто рьяно собирался благими намерениями “мостить дорогу” в ад.

В 1764-1766 гг. Смит, в качестве домашнего учителя одного юного лорда, жил вместе с ним в Париже, где побывал в “антресольном клубе” Кенэ. Смит уважал физиократов, но не согласился с ними в том, что лишь труд в земледелии является производительным, хотя и считал, что труд в этой сфере наиболее производителен. По возвращении из Франции, благодаря полученной от богатых родителей своего воспитанника пенсии, Смит уединился в своем родном городке

близ Эдинбурга и 10 лет посвятил написанию и изданию главного труда - "Богатство народов".

Провоцирующая философия Мандевиля повлияла на Смита. Хотя лейтмотивом "Богатства народов" стала идея бережливости, экономии труда (благодаря его разделению) и вложения накопленных благодаря экономии труда средств в "дело", там же содержится знаменитая метафора "невидимой руки" - стимулов частного интереса, через рыночную конкуренцию направляющего деятельность людей к общей пользе.

"Мы ожидаем получить свой обед не потому, что мясник, пивовар и булочник благосклонны к нам, а потому, что они заботятся о собственной выгоде... Каждый индивидум все время прилагает усилия к тому, чтобы изыскать наиболее выгодное применение любому капиталу, которым он располагает... он преследует только свою собственную цель, и в этом случае [к общей пользе] его ведет невидимая рука". Человек в трактовке Смита предстал как *homo economicus*, поведение которого мотивируется эгоистическим интересом, сознанием уверенности в собственных делах и стремлением к наибольшему доходу.

Принцип "невидимой руки" Смит противопоставил государственному попечительству об экономике и обществе. Он раскритиковал тех, кого назвал меркантилистами за протекционизм, выступил против правительственных и феодальных стеснений рынков земли (закон о майорате, исключавший раздел имений), труда (законы о поселениях бедняков только около их церковных приходов) и предпринимательских способностей. "Невидимая рука" и снятие ограничений с рынков экономических ресурсов были возведены Смитом в принцип экономической свободы. "Если какая-нибудь отрасль промышленности или какая-нибудь область труда выгодна для публики, она будет становиться еще более полезной по мере того, как конкуренция в ней будет более свободной и более общей".

Смит утверждал, что не должно оказываться "особое поощрение внешней торговле на потребление против внутренней торговли или же транзитной торговле против той и другой". Однако его аргументы были сбивчивыми и сопровождались признанием "в известном смысле беспредельных" размеров транзитной торговли сравнительно с двумя другими видами торговли, а также одобрением Навигационного акта (1651 г.) под предлогом интересов "национальной обороны". Неубедительным было и мнение Смита, что британские колонии в Северной Америке (стремлению к независимости которых он сочувствовал) предназначены "подобно Польше" быть земледельческой страной и не должны развивать собственную промышленность.

Понятие экономии Смит понимал широко - как сбережение продукта труда для накопления капитала и как сбережение в самом процессе труда - благодаря его разделению на детальные операции, что позволяет развить мастерство и производительную силу труда. Смит начал свой труд с главы "О разделении труда".

Необходимое предварительное условие прогресса производительной силы труда - накопление запасов. Ту часть запасов, от которых ожидается доход Смит называет *капиталом* и подразделяет на два вида - оборотный (более точный перевод - крутящийся - *circulating*) и основной (закрепленный - *fixed*) капиталы. К основному капиталу относится капитал, приносящий доход без перемены владельца:

- 1) машины и орудия;
- 2) постройки для производства, хранения и продажи товаров;
- 3) улучшения земель;
- 4) приобретенные и полезные способности всех членов общества.

К оборотному - деньги, запасы продовольствия, сырья, полуфабрикатов и фабрикатов.

Накопление капиталов - главный путь к увеличению общественного

богатства. Наиболее производительным употреблением капиталов Смит считал их вложение в земледелие. Этот «пережиток физиократизма» вошел в противоречивую *теорию ценности* (стоимости) Смита.

Проводя разграничение между потребительной ценностью (полезностью) и меновой ценностью товаров, Смит сформулировал положение, что «действительная мера меновой ценности» - «единственное средство для сравнения ценности различных товаров во все эпохи и во всех странах» - есть *труд*. Позднее Смит стал противоречить своим же словам, заметив, что «только в примитивных обществах количество труда, обычно употребляемое на приобретение или производство блага, является единственным обстоятельством, определяющим ценность».

В более сложных обществах, где сложились отношения *найма труда капиталом*, «ценность, придаваемая работником сырому материалу, разбивается на две части, из которых одна покрывает содержание работника, а другая служит прибылью для предпринимателя на его капитал, употребленный на заработную плату и на приобретение сырых материалов».

Для предпринимателя не было бы побудительной причины заказать труд работнику и употребить в дело скорее больший, чем меньший капитал, если бы он не рассчитывал на получение от продажи изготовленной вещи прибыли пропорционально величине вложенного капитала».

Капиталы, вложенные в земледелие, в результате большей производительности земледельческого труда, обеспечивают, помимо платы за труд и прибыли на капитал, избыток ценности - ренту, получаемую землевладельцами (лендлордами). «Заработная плата, прибыль и рента суть три первичных источника всякого дохода, так и всякой меновой ценности».

Заклучив, что меновая ценность складывается из доходов, Смит сопоставляет ее с *естественной ценой* - «средоточием, к которому постоянно стремятся [рыночные] цены всех товаров». Естественная цена уравнивается с рыночной благодаря колебаниям спроса и предложения в условиях свободной конкуренции. Свободная конкуренция определяет *естественные нормы* ренты, прибыли и заработной платы.

Наиболее высокой заработной плата является в странах, «движущихся сильнее других к благосостоянию», где растет спрос на труд. Смит, в отличие от меркантилистов, не считал, что заработная плата должна оставаться на минимальном уровне. Он считал закономерным ее повышение с ростом потребностей рабочих и полезным для расширения внутреннего спроса, стимулирующего рост производства. Но Смит был против перераспределения части доходов в пользу бедных, так как это уменьшило бы накопление капитала. Он полагал, что повышение зарплаты должно следовать за повышением спроса на труд, обеспечиваемым накоплением капитала.

Смит стал первым экономистом, который четко сформулировал *принципы рационального собирания налогов*. Он выделил 4 главных принципа:

- 1) налоги должны быть сообразны доходам, которые получает каждый подданный под охраной государства;
- 2) время, размер и способ уплаты налогов должны быть известны заранее;
- 3) способ взимания налогов должен быть наиболее удобным для населения;
- 4) сбор налогов должен быть таким, чтобы извлекать из населения как можно меньше сверх того, что поступает в государственную казну.

Книга Смита еще при жизни автора снискала ему общеевропейскую славу. Министры называли его своим учителем. Но, в отличие от Кенэ, он не создал собственной школы как таковой, оставив широкое поле для деятельности последователей.

4.3. Общественная деятельность Рикардо

Во времена А. Смита Великобритания уже имела развитое бумажно-денежное обращение, и великий шотландец сформулировал *доктрину реальных векселей* - общее количество бумажных денег “ни при каких условиях не может превышать ценности золотой и серебряной монеты, которую они заменяют”, так как избыток будет предъявлен банкам в обмен на золото.

Но в условиях конфликта с революционной Францией, банк Англии в 1797 г. приостановил размен банкнот на золото. С другой стороны, войны с Наполеоном и установленная последним континентальная блокада привели к 3-кратному повышению в Англии цен на хлеб. Парламент под давлением лендлордов, извлекавших благодаря “раздувшимся” ценам высокие ренты, провел *хлебные законы* о запрете импорта зерна, который бы снизил цены. Лендлорды утверждали, что отток золота за границу обесценивает деньги, это увеличивает “естественную норму ренты” и поэтому растут цены на хлеб.

Рост цен на хлеб был не выгоден фабрикантам, поскольку приходилось увеличивать номинальную заработную плату рабочих. Выразителем интересов фабрикантов в дебатах о причинах высоких цен на хлеб стал Давид Рикардо (1772-1823), человек с математическим складом ума, к 30 годам сколотивший миллионное состояние игрой на курсах акций.

Рикардо выступил с обоснованием отмены хлебных законов и установления системы обращения *бумажных денег, разменных на золото по твердому курсу*. Такая система была установлена в Англии в 1819 г. и получила название *золотого стандарта*. В 70-90-е гг. она стала международной (США, Европа, Россия, Япония) и функционировала в качестве таковой до 1914 г.

Рикардо развил принципы свободной торговли до принципа сравнительных преимуществ в международном товарообороте. Используя условный числовой пример, Рикардо проводил идею, что если в одной стране два товара могут быть произведены с меньшими трудозатратами, чем в другой, первой стране выгоднее специализироваться на более дешевом для нее товаре, импортируя второй товар.

1817 г. Рикардо издал свой главный труд “Начала политической экономии и налогообложения”. Через 2 года он стал членом парламента, а еще через 2 года - лидером Лондонского клуба политэкономии, в который вошли также Т.Р. Мальтус, Дж. Милль, Томас Тук. Последний был составителем поданной в парламент петиции Лондонского Сити, с которой в Англии началось широкое общественное движение за введение свободы внешней торговли. Петиция провозглашала, что политика, основанная на принципе международной свободы торговли, “распространяет богатство среди населения всех торгующих государств”.

4.4. Теория ценности, капитала и земельной ренты Д. Рикардо

Опыт биржевого дельца, политические дебаты, влияние прославленного труда А. Смита, увлеченные занятия на досуге (богатство позволяло!) математикой и естественными науками - все это сформировало мышление Рикардо как выдающегося теоретика-экономиста.

Но наряду с этим надо отметить сильное влияние книги преподобного Томаса Роберта Мальтуса (1766-1834) “Опыт о законе народонаселения” (1798). Приходской священник Мальтус полемически “заострил” свое сочинение против поборников усовершенствования общества. Он заявил, что главная причина бедности - не в плохом правлении и не в неравномерном распределении богатства, а в законе народонаселения и в законе убывающего плодородия почвы.

Используя данные об увеличении вдвое численности населения США с момента обретения ими независимости (где велика была роль иммиграции),

Мальтус выводил как универсальную закономерность удвоение численности населения за каждые 25 лет (геометрическая прогрессия). В то же время прирост жизненных средств, по его мнению, возможен только в арифметической прогрессии: запасы плодородной земли ограничены, и каждое последующее вложение в нее труда и капитала дает уменьшающееся количество продовольствия.

“Человек, пришедший в занятый уже мир, если его не могут прокормить родители... и если общество не нуждается в его труде, не имеет права на какое-либо пропитание; в сущности он лишний на земле. На великом жизненном пиру для него нет места”. Силы природы обрекают общество на беспросветную бедность.

Мрачный священник, получивший в 1805 г. кафедру современной истории и политической экономии в колледже Ост-Индской компании, стал вскоре другом Рикардо и одновременно его оппонентом по многим вопросам, - но во взглядах на законы народонаселения и на законы убывающего плодородия почвы они были едины.

Как теоретик Д. Рикардо, широко применяя *дедуктивный, абстрактно-аналитический метод*, во многих вопросах начал свои научные изыскания там, где закончил А. Смит и продвинулся гораздо дальше его.

Главной проблемой политэкономии Рикардо считал *проблему распределения* доходов между 3-мя главными классами общества - рабочими, капиталистами и землевладельцами. Последние получают свой доход в форме ренты. “Рента - это та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и нерушимыми силами природы”.

В противоположность Смиту, Рикардо пришел к выводу, что рента является следствием не щедрости, а скупости земли и не входит в естественную цену товара. Естественная цена товаров “регулируется в конечном счете издержками производства, а не как это часто утверждали, отношением между предложением и спросом”.

Влияние отношения между предложением и спросом может иметь лишь временный характер. Но цена регулируется издержками производства *при самых неблагоприятных условиях*, при каких необходимо трудиться, чтобы произвести требуемое количество продукта. Чтобы удовлетворить потребность растущего населения в хлебе, его приходится выращивать и на очень плохих, и на постоянно ухудшающихся участках. Цена хлеба на таких участках определяет цены на хлеб в целом. Но участки, лучшие по качеству, дают то же количество хлеба при меньших затратах или большее - при равных.

Таким образом, лучшие участки дают дополнительный доход: он и составляет *дифференциальную ренту* - следствие ограниченности и разнокачественности земель и частной собственности на землю. “Рента уплачивается потому, что хлеб дорог”. Рикардо выделил 2-ве основные разновидности ренты - по плодородию и по местоположению (удобство в доставке хлеба на рынок), но в основном анализировал первую.

Рикардо стремился создать *последовательную трудовую теорию ценности*. При этом он трактовал *капитал* как *накопленный труд*: “Труд, вложенный в орудия, машины, в строения, которые служат для создания капитала”. Отсюда стал возможен вывод, что относительная ценность вещи определяется относительным количеством труда, необходимого для ее производства и доставки на рынок. Исключение Рикардо делал для вещей невозпроизводимых, уникальных - их ценность определяется редкостью.

Участие в дебатах о хлебных законах и теоретический анализ убедили Рикардо в том, что землевладельцы получают нетрудовые доходы и их интересы идут вразрез с интересами других классов. Но далее он пришел и к выводу о противоположности интересов предпринимателей и рабочих; о том, что прибыль

капиталиста - есть “вычет из заработной платы”.

Разделяя представления Мальтуса, Рикардо считал, что реальная заработная плата должна быть ограничена минимумом средств существования, поскольку при повышении своих доходов рабочие склонны к большему деторождению и усугублению перенаселения. “Естественная цена труда - есть та цена, которая доставляет всем вообще рабочим средства для существования и продолжения их рода, но так, чтобы он не увеличивался и не уменьшался”.

С другой стороны, истощение количества относительно лучших земель и необходимость для пропитания растущего населения вовлекать в оборот худшие земли при действии закона убывающего плодородия почвы ведет к увеличению издержек производства цен на хлеб и росту цен на него, а следовательно, - к росту *номинальной* заработной платы. Тем самым уменьшается доля капиталистической прибыли, которая оказывается как бы “зажатой” между земельной рентой и номинальной заработной платой. Но падение капиталистической прибыли подрывает стимулы экономического развития, и Рикардо пришел к так называемому экономическому пессимизму, а некоторые из современников называли его учение “мрачной наукой” и “политэкономией раздора”.

Последнее определение имело в виду конфликтность классовых интересов, вытекающую из теории ренты, прибыли и заработной платы. Рикардо жил в эпоху наибольших бедствий английского рабочего класса и первых примитивных форм организованного протеста (движение луддитов - разрушителей машин). Рикардо суждено было стать одним из тех, кто определил характер XIX в. как века *идеологий*. При этом рикардизм “питало” две влиятельные и враждебные идеологии - либерализма и социализма.

5. ФРИТРЕЙДЕРСТВО И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ В ЕВРОПЕ

5.1. Политическая экономия и идеология

Понятие *идеологии* ввел французский политэконом граф Детю де Траси (1754-1836). Он предлагал развивать под таким названием науку об общих законах происхождения идей из опыта (“Элементы идеологии”, 4 тома, 1801-1815). Наполеон Бонапарт пренебрежительно назвал идеологами людей, проповедующих взгляды, оторванные от практических вопросов общественной жизни и от реальной политики. Однако вскоре под *идеологиями* стали понимать системы взглядов, оформленных в программы и лозунги политических партий - разного рода “измы”, количество которых быстро росло в течение первой половины XIX в.

Реакция на Французскую революцию и наполеоновские походы породила такие идеологии как консерватизм, романтизм, национализм. В годы Реставрации во Франции Б. Констан оформил в философско-политическую доктрину либерализм. Констан обосновал новую трактовку свободы - не как права деятельного участия в общем властвовании, а как независимости личности в том, что касается ее занятий, предприятий и фантазий.

В начале 1830-х гг. делившие власть в британском парламенте тори и виги стали называться Консервативной и Либеральной партиями. В Либеральной партии было сильно влияние фабрикантов центра английской текстильной промышленности - Манчестера. Они были заинтересованы в максимально свободном режиме внешней торговли. В критике протекционизма Смитом и хлебных законов - Рикардо, в формуле *laissez faire* они нашли готовые принципы *экономического либерализма*, распространяя принципы индивидуализма и невмешательства государства в экономику на отношения между нанимателями

и рабочими (что означало свободу эксплуатации первыми вторых - с запретом объединений рабочих для защиты своих интересов, с противодействием законодательному регулированию рабочего дня и условий труда). Манчестерство и фритрейдерство - от *англ.* - free trade) стали общеевропейскими синонимами экономического либерализма.

Во Франции эту доктрину развивала школа Жана Батиста Сэя (1767-1832), почитателя и систематизатора учения Смита.

5.2. Либеральный оптимизм школы Сэя

Выпустив "Трактат политической экономии"(1803), Сэй, со своей приверженностью свободе торговли, встал в оппозицию к Наполеону и попал в опалу, зато в годы Реставрации с репутацией "жертвы узурпатора" он сделал карьеру, издав "Полный курс политической экономии"(1828-1829) и возглавив созданную специально для него первую в истории кафедру политэкономии.

Сэй интерпретировал теорию ценности Смита как теорию *трех факторов производства*, владелец каждого из которых получает свой доход: земля - ренту, капитал - прибыль, труд - заработную плату, и никакого противоречия не возникает. Сэй уделил особое внимание роли предпринимателя как координатора факторов производства, ограничив нечастую предпринимательскую способность от владения капиталом. Таким образом, к Сэю восходит общепринятая в настоящее время классификация экономических ресурсов на 4 основных вида - природные, трудовые, капитальные и предпринимательские.

Но наиболее известен Ж.-Б. Сэй получившим его имя законом рынков. Этот закон известен в разных формулировках: самого Сэя: "Каждый продукт с того самого момента, когда он произведен, создает сбыт для других продуктов на полную сумму своей ценности"; Рикардо: "Не существует границ для спроса"; Кейнс: "Предложение само порождает спрос", или "совокупная цена спроса на продукцию в целом равна совокупной цене предложения для всего объема продукции".

После того, как Кейнс отношение к закону Сэя принял за критерий принадлежности к классической школе, макроэкономисты пришли к различению "сильной" и "слабой" версий закона рынков - "тождества Сэя" и "равенства Сэя".

"Тождество Сэя" означает, что товарный рынок находится в равновесии, поскольку товаропроизводители используют денежную выручку от своих продаж для предъявления спроса на другие товары. Деньги, таким образом, выступают как счетные единицы, лишь опосредующие товарный обмен ("деньги - это вуаль" - Сэй).

"Равенство Сэя" принимает во внимание функцию денежной наличности как средства сохранения ценности и возможность избыточного спроса на деньги и временного нарушения равновесия на товарном рынке вследствие перенасыщения его одними товарами и недонасыщения другими. Если какие-либо произведенные товары не находят сбыта, это значит, что недостает других продуктов, которые можно было бы обменять на данные.

Однако предполагается, что это нарушение автоматически корректируется через изменения уровня цен и ставки процента: свободная конкуренция через ценовой механизм, (включая уровень процентной ставки как цену денег), обеспечивает тенденцию к саморегулированию, если возникает избыточное предложение товаров и избыточный спрос на деньги.

Сэй провозгласил, что "административные границы государств, которые все в глазах политика, для политической экономии являются лишь преходящими явлениями". Его последователь Шарль Дюнуайе предложил афоризм: "Я ничего не предписываю, я ничего не предлагаю, я излагаю", - как кредо *позитивной политической экономии*, отрицающей государственное вмешательство и

убежденной во внутренних силах свободной конкуренции. Другой последователь Сэя - Фредерик Бастиа (1801-1850) получил широкую известность энергичной пропагандой фритрейдерства в книгах "Экономические софизмы"(1845) и "Экономические гармонии"(1850).

Очередная революция во Франции (1848) стала поводом для полемики Бастиа с идеологом анархизма Пьером-Жозефом Прудоном (1809-1865). Прудон, нашумевший памфлетом "Что такое собственность?" выдвигал идею справедливого "банка обмена" на основе беспроцентного кредита - этот эксперимент прекратился в 1849 г. Бастиа, используя вопрос о справедливости процента на капитал как повод для более широкой полемики, доказывал, что "частная собственность - это сама истина и справедливость, и что она носит в себе не зародыш смерти, как утверждают социалистические писатели, а принцип прогресса и жизни"; что "предоставленные самим себе экономические интересы стремятся к гармоническим комбинациям, ко все большему перевесу общественного блага". Бастиа наиболее явно выразил теорию гармонии интересов на основе свободной конкуренции.

5.3. Раскол в либеральной политэкономии: экономический романтизм С. де Сисмонди

Но не все французские последователи классической политэкономии были столь безапелляционны в своей апологии свободной конкуренции, как школа Сэя. Поворот в экономической мысли, названный некоторыми западными авторами "расколом либерализма", обозначил Ж.Ш.Л. Симонд де Сисмонди (1773-1842), швейцарский коммерсант и французский историк, который сначала, также как и Сэй, был увлеченным популяризатором учения А. Смита, однако затем (во время пребывания в Англии) был потрясен бедствиями рабочих и их нищетой в период промышленного переворота, отягощенными войнами с Наполеоном, и сделал вывод о неправильности учения о накоплении богатства и свободе конкуренции.

В книге "Новые начала политической экономии"(1819) Сисмонди самым названием подчеркнул новое понимание предмета экономической науки. Она должна стать "теорией благотворительности". Целью хозяйственной деятельности является не богатство само по себе, а увеличение человеческого благополучия.

Пересматривая учение о свободной конкуренции, Сисмонди пришел к выводу о неправомерности закона Сэя. Из "закона рынков" в категоричной форме ("тождества Сэя") поддержанного Д. Рикардо, вытекала невозможность *общего перепроизводства* товаров. Однако в 1825 г. , уже после смерти Рикардо, но еще при жизни Сэя, в Англии разразился первый в истории *кризис промышленного перепроизводства*, когда массы товаров не находили сбыта.

В 1836 г. снова разразился такой кризис, а в 1837 г. в своей новой книге "Этюды политической экономии" (1837) Сисмонди предложил теоретическое объяснение явления кризисов на основе отрицания закона Сэя и анализа существующей при свободной конкуренции *проблемы реализации* произведенного продукта.

Сисмонди был не первым, кто развернул критику "закона рынков" и осветил проблему реализации. Ранее это сделал Мальтус, который в своих "Принципах политической экономии" (1820), возражая и Рикардо, и Сэю, - утверждал, что возможно состояние непрерывного избытка товаров ввиду различия между "величиной спроса" как количества реально покупаемой по данным ценам продукции и "интенсивностью спроса", как "готовностью и способностью жертвовать многим с целью купить желаемую вещь".

Разделяя положение Смита о сбережении как превращении дохода в капитал, Мальтус заявлял, что капиталовложения - затраты на производительный труд

порождают недостаток “интенсивного” спроса, поскольку “одна только покупательная способность работающих классов не в состоянии обеспечить стимулы для полного использования капитала”, а спрос самих капиталистов сужен их бережливостью и использованием доходов не для траты на предметы роскоши, а для расширения производства. Из этого Мальтус выводил необходимость “третьих лиц” - лендлордов, священников, чиновников и т.п. непроизводительных классов, которые только потребляют и таким образом сдерживают общее перепроизводство. Таким образом, Мальтус открыто выступил идеологом нетрудовых классов, прежде всего крупных земельных собственников.

Сисмонди, озабоченный в противоположность Мальтусу судьбой трудовых низов и вынужденных нищих, также использовал понятие “*третьи лица*”, но вкладывал в него иной смысл. Следствием свободной конкуренции и одностороннего стремления к накоплению капитала стали “чрезмерное возрастание производства, не соответствующее потребностям рынка... избыток товаров и бедность, испытываемая всеми теми, кто своим трудом произвел слишком много богатства”.

Под давлением конкуренции предприниматели для удешевления своих товаров заменяют ручной труд машинным и оставляют без работы множество людей, ранее находивших занятие; зарплата рабочих, оставшихся на фабриках, падает вследствие увеличения предложения труда сравнительно со спросом; разоренные конкуренцией крупные машинного производства мелкие производители лишаются всех своих доходов; уменьшение доходов массы населения, составляющих основное число покупателей, сопровождается замедлением доходов предпринимателей относительно оборотов производства.

Таким образом, строй капиталистической конкуренции располагает к отставанию спроса от предложения, т.е. к *перепроизводству товаров*, которые могут найти дополнительный сбыт лишь на внешних рынках - в отсталых, еще не капиталистических странах. Покупатели из этих стран выступают как “третьи лица”, округляющие спрос до размеров предложения. Однако с развитием машинного производства реализация избыточных товаров должна становиться все более затруднительной и вести к непрерывным кризисам перепроизводства.

Сисмонди гораздо более жестко, чем Рикардо зафиксировал антагонизм наемного труда и капитала - “прибыль работодателя есть не что иное, как грабеж рабочего”, - и с тревогой писал, что с ростом крупной промышленности в обществе исчезают промежуточные слои - мелкие хозяйчики, мастера и лавочники, и остается место лишь для крупных капиталистов и класса людей, не имеющих никакой собственности. Из этого Сисмонди сделал вывод о необходимости сдерживания промышленного прогресса, приостановлении нововведений и нарисовал идеал строя, при котором промышленность как городская, так и сельская была бы разделена между множеством отдельных независимых мастерских; капиталы, вложенные в нее, были бы поделены между множеством средних капиталистов, а не сосредоточены в руках одного владельца-миллионера, и чтобы рабочий “имел надежду, почти уверенность, стать компаньоном своего хозяина, чтобы он женился лишь тогда, когда будет иметь известную часть предприятия”.

Сисмонди выступал за право рабочих на коалиции, ограничение сроков труда и за *профессиональные гарантии* - возложение на нанимателя обязанности позаботиться о рабочих во время болезни, незанятости и старости. Сисмонди - сторонник государственного вмешательства для регулирования отношений между капиталом и трудом.

Ко времени завершения Сисмонди своей концепции перепроизводства и кризисов, вызванных *недопотреблением* трудящихся и нищенствующих масс, в Европе получили распространение учения социалистов. Сисмонди выступил против “химических желаний” социалистов устранить частную собственность.

Но его собственные проекты торможения развития крупного производства и воссоединения собственности (мелкой) и труда напоминали романтическую критику цивилизации, и поэтому получили название “мелкобуржуазного социализма” (К. Маркс и Ф. Энгельс, 1848), а позднее - *экономического романтизма* (В. Ульянов-Ленин, 1897). Однако более точно называть их “экономическим гамлетизмом”, - по словам Ш. Жида и Ш. Риста, Сисмонди “интересуется как раз теми переходными периодами, которые ведут от одного строя к другому и вмещают в себя столько незаслуженных страданий... он стоит изумленный и опечаленный бессилием людей перед злом. Но не чувствует себя способным открыть средство избавления.”

5.4. Компромиссная политэкономия Дж.Ст. Милля

Джон Стюарт Милль (1806-1873), сын друга Рикардо Джемса Милля, видел свою главную задачу в том, чтобы “отшлифовать” учение Рикардо, и снискал репутацию *эклектика* - теоретика, пытающегося механически соединить разнородные, часто противоположные подходы и принципы.

С одной стороны, Милль писал, что недопустимо отказываться от *laissez faire*, отстаивал “естественные законы” личного интереса, конкуренции, народонаселения и т.д. С другой стороны, Милль не отгораживался от социалистических воззрений, одобрял вмешательство государства в такой форме, как фабричное законодательство, и в итоге действие естественных законов признал только для сферы производства, а в сфере распределения увидел обширное поле для усовершенствований, включающих уменьшение имущественного неравенства при помощи ограничения права наследования, социализацию земельной ренты при помощи земельного народа и даже устранение наемного труда при помощи кооперативных производительных ассоциаций.

Милль ввел понятие о “*провалах рынка*” - неэффективности рыночного механизма в таких сферах, как, например, образование. При этом Милль как либерал был против общедоступного государственного образования, считая, что правительство тогда сможет “лепить мнения и чувства людей, начиная с юного возраста, и далее делать с ними все, чего ни пожелает”. Но он выступал за дотации детям из бедных семей для получения хотя бы начального образования дома или в частных школах.

В своих “Принципах политической экономии” (1848) Милль-младший резюмировал классическую теорию ценности:

- 1) вещи имеют временную (рыночную) и постоянную (естественную) ценность, вторая является центром, вокруг которого колеблется первая;
- 2) рыночная ценность определяется спросом и предложением;
- 3) естественная ценность по-разному определяется для свободно воспроизводимых (величина издержек производства товара и его доставки на рынок) и невоспроизводимых, уникальных (редкость) вещей;
- 4) издержки производства состоят из зарплаты и прибыли на вложенный капитал и в конечном счете определяются количеством затраченного труда.

Милль заявил, что “в законах ценности нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой”. Это утверждение оказалось весьма опрометчивым. Классическую теорию ценности ждали пертурбации (*лат. pertrurbatio* расстройство) с разных сторон, - со стороны радикальных политэкономов-социалистов и со стороны нового поколения университетской экономической мысли. Первое направление олицетворяли марксисты, второе - маржиналисты.

5.5. Фритрейдерство в России

Начало XIX в. и одновременно начало царствования Александра I, в переписке которого с его воспитателем, швейцарцем-республиканцем Лагарпом, впервые появилось слово “либерализм”, было отмечено в Российской империи всплеском интереса к политэкономии. Правительство Александра I профинансировало, первый русский (хотя и несовершенный) перевод “Богатства народов” Смита; он был издан в 1802-1806 гг., вскоре были переведены сочинения Сэя, появились первые профессора политической экономики, стали выходить сочинения авторов, пропагандировавших идеи свободы торговли.

Наиболее известными из этих авторов были первый петербургский академик (1804) по разряду политической экономики Генрих (Андрей Карлович) Шторх (1766-1835), прибалтийский немец, окончивший Йенский университет, и один из передовых русских дворян Николай Иванович Тургенев (1789-1871). Шторх в 1815 г. издал в Петербурге, но на французском языке, 6-томный курс политической экономики. На русском языке сочинение Шторха, использовавшего для иллюстрации примеры из жизни России, не было издано: автор резко критиковал крепостное право! Свою приверженность принципу свободы торговли Шторх доводил до утверждения, что польза России требует “уступления прав рокоделия и торговли” промышленно-торговым державам; России Шторх отводил роль земледельческой страны и экспортера сельскохозяйственных продуктов.

Н. Тургенев учился в Геттингенском университете, где под впечатлением лекций смитианца Георга Сарториуса проникся идеями классической политэкономии и задумал книгу “Опыт теории налогов”, вышедшую в 1818 г. Взяв за основу четыре сформулированных Смитом принципа рационального налогообложения, Тургенев, как он сам позднее пояснял, “старался доказать, что как экономические и финансовые, так и политические теории истинны лишь постольку, поскольку они основаны на принципе свободы”. В “принцип свободы” Тургенев вкладывал двойной смысл: фритрейдерский и противокрепостнический. Главной задачей его книги было обличение крепостного права в форме прозрачных намеков в историко-экономических экскурсах.

В 1818-1819 гг. Н.Тургенев написал ряд записок по крестьянскому вопросу с обоснованием процедуры ликвидации крепостного права “сверху” и одновременно вступил в тайный “Союз благоденствия”.

Весной 1824 г. глава тайного Южного общества Павел Пестель (1793-1826), приехавший в Петербург с конституционным проектом “Русская правда”, встретился с Тургеневым как известным противником “крепостного рабства”, рассчитывая найти в нем единомышленника. Но Тургенев к этому времени разочаровался и в тайных обществах, ему был чужд социальный радикализм Пестеля.

Вскоре после встречи с Пестелем Тургенев в 1824 г. выехал за границу; после восстания 14 декабря 1825 г. он отказался вернуться в Россию по вызову Николая I и стал первым в России XIX в. политэмигрантом. Однако он также отмежеввался и от своих товарищей по тайному обществу, чем вызвал разочарование-возмущение ссыльных декабристов.

П. Пестель был наиболее осведомленным в вопросах политэкономии декабристом, испытавшим влияние С. де Сисмонди и Д. де Траси. Автор радикального антифеодального проекта - “Русской правды”, Пестель выступал уже и с антикапиталистических позиций - против “денежной аристократии”, которая “подготавливает миру новые затруднения”, вызывая “нищету неимущих классов”. Под впечатлением парадокса Д. де Траси: “Чем богаче нация, тем хуже живет народ”, и мыслей Сисмонди о том, что истинным показателем богатства страны являются не крупные состояния, но большое количество людей умеренного достатка, Пестель ставил тему о противоречиях между “богатством нации” и

“благополучием” масс, которая позднее стала одной из главных в русской экономической мысли.

6. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ УТОПИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА

6.1. Утопический социализм

В 30-40-е гг. XIX в. среди всех идеологий, существовавших в Европе одно из ведущих мест занял социализм. Термин “социализм” ввели *сен-симонисты* - ученики экстравагантного француза Клода Анри Рувруа де Сен-Симона (1760-1825), одного из замечательных мыслителей XIX в. Сен-Симон был первым теоретиком индустриального общества и первым, кто предложил в качестве критерия общественного прогресса рассматривать уменьшение эксплуатации человека человеком (рабство, крепостничество, наемный труд).

Сен-Симон сформулировал такие принципы организации нового строя, как всеобщий труд, превращение государственного управления в “составление, рассмотрение и приведение в исполнение полезных для населения проектов” с сохранением “приманки частных выгод” для привлечения людей к работам по мелиорации, устройству каналов, дорог и мостов. Руководящий орган - парламент нового типа с 3-мя палатами: изобретений, исследований и исполнения; члены последней должны избираться из богатых промышленников.

Сен-Симон указал на роль связующего посредничества банков в объединении “промышленности всех родов” для достижения цели общественного интереса. После смерти Сен-Симона его последователи развили идею общей банковской системы с трехуровневой иерархией (центральный, территориальный и специализированные отраслевые банки) для согласования потребностей производства и потребления и решения основных задач научно-промышленного общества: “Точной классификации работников”, “разумного распределения орудий производства”, “правильной оценки сделанного”, “справедливого вознаграждения труда”.

Справедливым *сен-симонисты* - противники считали вознаграждение по “каждой способности по ее делам”, “праву способности”, которое должно заменить право наследования - пережиток феодального права завоевания.

Сен-симонисты подчеркивали, что прогресс человечества – это процесс убывания антагонизма и возрастания ассоциации, и в области экономической организации это означает переход к централизованному планированию работ на основе научных исследований и низкопроцентного банковского кредита.

В отличие от Сен-Симона и его школы другой французский утопист – Шарль Фурье (1772-1837), идеями которого было вдохновлено наибольшее количество коммунитарных экспериментов (во многих странах, включая США, Испанию, Румынию, Россию) был приверженцем децентрализованной организации производства. Наиболее яркая идея Фурье - замена экономического принуждения трудом, привлекательным в своем разнообразии (трудовые “сеансы”), когда каждый переходит от одного занятия к другому – от умственного труда к физическому, от промышленного - к сельскохозяйственному.

Практичнейший из утопистов - великий английский филантроп Роберт Оуэн (1771-1858) - сначала был управляющим прядильной фабрикой в шотландском городе Нью-Ланарке (с 1800), на которой он улучшил условия труда и быта рабочих; один из инициаторов первого английского фабричного закона (1802). В 1817 г. Оуэн выступил с широкой программой радикальной перестройки общества путем создания самоуправляющихся “поселков общности и сотрудничества”, лишенных частной собственности, классового неравенства, противоположности между физическим и умственным трудом.

К планам Оуэна, вдохновившим несколько коммунитарных экспериментов (“Новая Гармония” в США, “Орбистон” в Англии), критически отнесся Д. Рикардо.

В свою очередь Р. Оуэн, из политэкономии Рикардо, основанной на трудовой теории ценности, сделал вывод, что весь произведенный продукт должен принадлежать трудящимся. Этот вывод подхватили несколько общественных деятелей, известных как социалисты-рикардианцы – У. Томпсон, Т. Годскин и др.

“Народная политэкономия” социалистов-рикардианцев, делавших социалистические выводы из трудовой теории ценности и критиковавших вместе с другими утопистами строй капиталистической конкуренции, подготовила почву, на которую с формулой “критики политической экономии” вступили Ф. Энгельс и вслед за ним – К. Маркс, изложивший результаты своих исследований в книгах “К критике политической экономии” (1859) и “Капитал. Критика политической экономии”.

6.2. Философские и политико-революционные истоки марксизма

Уроженцы Германии, большую часть жизни прожившие в эмиграции в Англии – Карл Маркс (1818-1883), сын адвоката-еврея из г.Трира, и Фридрих Энгельс (1820-1895), сын самого богатого фабриканта г. Вупперталя, – начали свою деятельность как революционеры-публицисты и самые радикальные из молодых последователей прусского философа-систематизатора Г. Гегеля (1770-1831), разработавшего детальную концепцию *диалектики* – развития природы и общества из Абсолюта (Мирового Духа) через борьбу противоположностей, переход количественных изменений в качественные (со скачками в новые качества) и триаду (исходный момент, тезис – отрицание, антитезис – отрицание отрицания, синтез).

Маркс и Энгельс “перевернули” диалектику Гегеля, заменив ее идеализм историческим *материализмом*: определяющую роль в истории играют отношения людей в процессе общественного производства, меняющиеся в соответствии с развитием материальных *производительных сил* и образующие в совокупности “реальный базис общества”, на котором возвышается “надстройка” политико-правовых форм и форм общественного сознания (религия, мораль, искусство и т.д.).

Базис и надстройка образуют общественно-экономическую формацию. В процессе развития материальных производительных сил накапливается противоречие с производственными отношениями, юридически оформленными как отношения собственности на средства производства. Это противоречие выражается в конфликте общественных классов (борьба противоположностей) и через революции (скачки) разрешается в переходе к более высокому качеству производственных отношений.

Таким образом, исторический материализм Маркса – Энгельса выступал как *экономический детерминизм*, дополненный учением о борьбе антагонистических классов, образующих единство противоположностей в разных формациях: рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные, буржуазия и промышленный пролетариат. Буржуазную формацию, основанную на прогрессе крупного машинного производства и частнокапиталистическом предпринимательстве, Маркс и Энгельс объявили последней антагонистической общественно-экономической формацией, создающей как материальные производительные силы для бесклассового общественного строя, который должен идти ей на смену, так и революционную силу для преобразования общества в такой строй – промышленный рабочий класс (пролетариат).

Маркс и Энгельс находились под мощным влиянием *исторической* (Д. Штраус) и *философской* (Л. Фейербах) *критики христианства* в Германии и создавали свое

учение как радикальный богоборческий гуманизм: человек должен вращаться вокруг себя, а не вокруг богоустановленного порядка или стихийных общественных отношений. Символом последних для Маркса и Энгельса стал рынок с его *фетишизмом товаров* - превращением продуктов человеческой деятельности в силы, господствующие над людьми.

Пролетариату Маркс и Энгельс приписали “историческую миссию” освобождения людей от отчуждения и овеществления труда посредством революционного ниспровержения основанных на товарном производстве и частной собственности отношений буржуазного “гражданского общества”.

Маркс сначала отрицательно отнесся к понятию “коммунизм”, распространившемуся в начале 1840-х гг. В 1844 г. Маркс писал, что коммунизм с его грубой уравнильностью и отрицанием высших форм культуры “еще не дорос до частной собственности”, которую отвергает. Однако, под влиянием Энгельса, сблизившегося с рабочей средой и написавшего книгу “Положение рабочего класса в Англии” (1845) и много статей о различных коммунистических течениях и сектах в Европе и США, Маркс выбрал “коммунизм” как наилучший лозунг для массового революционного рабочего движения. Одновременно - также под влиянием Энгельса - “Наброски к критике политической экономии” (1844) и при его активнейшем содействии Маркс обратился к усиленному изучению политической экономии, вскоре поставив перед собой задачу - на основе развития трудовой теории ценности Рикардо обосновать экономическую программу антибуржуазной революции.

В 1848 г., на волне революционного энтузиазма, Маркс и Энгельс написали “Коммунистический манифест”. В 1847 г. разразился третий кризис промышленного перепроизводства, охвативший уже не только Англию и США, но и Европу по обе стороны от Рейна, - это было истолковано авторами “Манифеста” как свидетельство неспособности буржуазных, частнособственнических производственных отношений справиться с колоссально развившимися и становящимися все более общественными по своему характеру производительными силами.

“Эпидемии перепроизводства”, охватывая все большее число стран, повторялись в 1856, 1866, 1873, 1882, 1890 гг., питая революционность Маркса и Энгельса, которые упорно выдвигали на первый план “классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории и особенно борьбу между пролетариатом и буржуазией как рычаг современного социального переворота”, основали I (1864-1872) и II (1889) Интернационалы - Международные товарищества рабочих; приветствовали повстанцев-гарибальдийцев Италии, Парижскую коммуну (1871 г.), русский терроризм и т.д.

Присвоив своему учению горделивое название “научного социализма (коммунизма)”, Маркс и Энгельс выводили его из 3-х источников - германской классической философии (особенно Гегеля и Фейербаха), английской классической (рикардианской) политической экономии и французского утопического социализма, причем отличием “научного” социализма от “утопического” считалось учение о классовой борьбе и *диктатуре пролетариата* как государстве переходного периода - от капиталистического общества к коммунистическому.

О конкретных чертах самого коммунистического общества Маркс и Энгельс не считали правильным говорить. И все же “намек” (вопреки неоднократным декларациям, что их нет) были - не только достаточно определенные, но и продолжающие традицию поисков социалистической антитезы классической политической экономии и капиталистическому строю - поисков, отразившихся в многочисленных сочинениях и коммунистических экспериментах утопистов первой половины XIX в.

В работе “К критике политической экономии” Маркс характеризовал “азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный” способы

производства как “прогрессивные эпохи экономической общественной формации”. Это замечание в XX в. стало основой *формационного подхода* - периодизации всемирной истории в соответствии с коммунистической идеологией.

1-й том “Капитала” был издан на немецком языке в 1867 г. (хотя написан он был в Англии, преимущественно на английском материале), 2-й и 3-й были опубликованы Энгельсом в 1884 и 1895 гг. уже после смерти Маркса. “Капитал” Маркс называл “самым страшным снарядом, когда-либо пущенным в голову буржуа”. Предмет исследования он определил как систему капиталистических производственных отношений, а методом стало восхождение категорий по теоретической спирали через диалектические триады.

6.3. “Капитал” К. Маркса

Анализ начинается с категории товара - “экономической клеточки” капиталистического общества. Товар, согласно Марксу, - двуединство вещной полезности (потребительной ценности) и свойства обмениваться на другую вещь (меновая ценности). Отдельные производители в системе общественного разделения труда создают разнообразные продукты, которые обмениваются в определенных пропорциях. “Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают”. Это возможно потому, что труд по изготовлению продукта для продажи - товара - имеет двойственный характер: он является *конкретным* трудом в особой целесообразной форме по созданию определенной полезной вещи (потребительной ценности) и *абстрактным* как расходование мускульной, нервной, умственной энергии человека в течение определенного периода времени.

Конкретный труд и как труд обособленного товаропроизводителя является частным. Но в силу общественного разделения труда, труд товаропроизводителя не может быть его частным делом, и общественный характер проявляется косвенным путем через *ценность* - отношение между людьми, прикрытое вещной (товарной) оболочкой. Как ценности товары - лишь определенные количества застывшего абстрактного труда, признанного обществом необходимым через опосредование рыночного обмена. Меновая ценность - внешнее проявление ценности, выражение абстрактного общественно-необходимого труда, затраченного на производство данной *потребительной ценности*.

От двойственного характера (конкретный - абстрактный), воплощенного в товарах труда, Маркс переходит к анализу *формы ценности и денег*. Деньги - результат исторического процесса развертывания обмена от простой, случайной, отдельной формы ценности до формы всеобщего эквивалента, когда различные товары обмениваются на один и тот же универсальный товар, и далее до денежной формы, когда роль *всеобщего эквивалента* закрепляется за благородными металлами.

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в *капитал*. Всеобщая формула капитала: “Д - Т - Д’” (приращение величины денег, пускаемых в товарный оборот). Настаивая на предпосылке *эквивалентности* товарного обмена, Маркс формулирует диалектический парадокс: *прибавочная ценность* (приращение величины денег) не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо в массовом масштабе потери и выигрыши продавцов уравнивались бы. Чтобы получить прибавочную ценность, “владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная ценность которого обладала бы оригинальным свойством быть источником ценности” - товар, процесс потребления которого одновременно был бы процессом созидания

ценности. И такой товар существует - *рабочая сила человека*, “свободного” в двояком смысле:

- 1) от всяких стеснений и ограничений, мешающих вольному найму;
- 2) от земли и всех других средств производства, что вынуждает существовать рабочую силу.

Потребление рабочей силы - есть процесс наемного труда, создающего ценность. Эта ценность больше, чем ценность самой рабочей силы, определяемая общественно-необходимым рабочим временем для ее производства, т.е. стоимостью средств поддержания жизни рабочего и его семьи. Купив рабочую силу, капиталист может использовать ее, напр., 12 часов в день; между тем рабочий в течение 6 часов (*необходимое рабочее время*) может создавать продукт, продажа которого окупает содержание рабочего, тогда следующие 6 часов (*прибавочное рабочее время*) он будет создавать уже прибавочный продукт, стоимость которого (*прибавочная ценность*) присваивается капиталистом.

Следовательно, капитал - это самовозрастающая ценность, которая за счет эксплуатации (буквально - “извлечения выгоды из ...”) наемного труда приносит прибавочную ценность. Маркс ввел новое деление капитала - на *постоянный* (расходы на средства производства - ценность, которая лишь переносится на готовый продукт сразу или по частям) и *переменный* (расходы на рабочую силу, - ценность возрастает в процессе труда, создавая прибавочную ценность).

Степень эксплуатации рабочего, или норму прибавочной ценности, Маркс выразил через отношение величины прибавочной ценности к величине *переменного*, (а не всего) капитала: $m' = m/v$.

Маркс применяет и деление капитала на основной и оборотный, но трактует его иначе, чем Смит. То, что Смит называл оборотным капиталом - денежные средства и товарные запасы - Маркс называет *капиталом обращения*, в отличие от производительного капитала. Капитал совершает кругооборот, принимая формы денежного, производительного и товарного капитала (Д - П - Т - Д' - П' - Т' и т.д.), и выступая в движении как самовозрастающая ценность, которая путем смены вещественных носителей (деньги - средства производства и рабочая сила - товары - снова деньги и т.д.) приносит прибавочную ценность. При этом функцию создания прибавочной стоимости выполняет переменная часть производительного капитала, тогда как постоянная часть переносит на вновь созданный продукт ценность потребленных средств производства. Но это перенесение стоимости происходит двояким образом - за один кругооборот капитала (сырье, материалы, быстроизнашивающийся инструмент) и за несколько, или много кругооборотов (постройки, машины, оборудование). В первом случае производительный капитал выступает как *основной*, во втором - как *оборотный*, в состав последнего входит и переменный капитал. Деление Марксом капитала на основной и оборотный аналогично “первоначальным” и “годовым” авансам Кенэ, но усложнено делением на постоянный (основной + часть оборотного) и переменный (другая часть оборотного) капиталы.

Ценность рабочей силы - сумма средств, необходимых для ее воспроизводства, - выступает в *превращенной форме заработной платы*, которая может быть поштучной и повременной, номинальной (в денежном выражении) и реальной (по покупательной способности).

Увеличение прибавочной стоимости (по Марксу) возможно 2-мя основными способами: увеличением рабочего дня и повышением интенсивности (темпа) труда (*абсолютная прибавочная ценность*) и сокращением необходимого рабочего времени за счет повышения производительности труда по созданию жизненных средств для рабочих (*относительная прибавочная ценность*). В связи с развитием методов производства относительной прибавочной ценности Маркс рассмотрел эволюцию капиталистической промышленности, выделив 3 этапа повышения производительности труда:

1) простую капиталистическую кооперацию (объединение работников под командованием капитала и присвоение результата совместного труда);

2) мануфактуру (превращение труда отдельного работника в операцию по изготовлению детали товара и соответствующее дифференцирование ручной техники);

3) фабрику (внедрение системы машин с универсальным двигателем и оперированием многими рабочими инструментами).

Маркс по-своему использовал понятие “мануфактура”, - не как синоним обрабатывающей промышленности вообще, а как тип капиталистического предприятия. Процесс смены предприятий такого типа фабричной системой крупного машинного производства Маркс и Энгельс характеризовали как промышленный переворот и реальное подчинение труда капиталу.

Маркс изучил обширные материалы исторической и экономической литературы, а также отчеты английской фабричной инспекции (“Синие книги”), чтобы показать роль государственной власти в увеличении рабочего дня (XIV-XVIII в.) и в его сокращении, вопреки сопротивлению предпринимателей (фабричное законодательство XIX века). Одному из английских фабричных инспекторов - Леонарду Хорнеру Маркс отдал должное за “бессмертные услуги рабочему классу”.

Превращение части прибавочной стоимости в расходы на приобретение средств производства и рабочей силы для расширения масштабов производства составляет, по Марксу, процесс *накопления капитала*, причем Маркс формулирует закон роста *органического строения капитала* - увеличения доли постоянного капитала сравнительно с переменным.

Оборотную сторону накопления капитала Маркс видел в “резервной армии труда”, “относительном избытке рабочей силы”, что дает возможность капиталистам понижать оплату рабочей силы ниже ее ценности и тем самым увеличивать свои доходы, а рабочие массы повергает в нищету.

Вслед за этим “всеобщим законом капиталистического накопления” Маркс изобразил ретроспективу “первоначального накопления капитала”, создавшего “под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей”, - на одном полюсе - владельцев средств производства и денег, капиталистов, а на другом - бесхозных пролетариев, вынужденных продавать свою рабочую силу по найму.

Наконец, Маркс перешел к исторической тенденции капиталистического накопления, описание которой сделано в духе стилизованной экспрессии “Коммунистического манифеста” и одновременно наиболее ярко выразило метод диалектической триады Маркса.

Тезис. “Частная собственность, основанная на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда”.

Отрицание. Капиталистическая частная собственность - “эксплуатация чужой, но формально свободной рабочей силы”; централизация капиталов - вытеснение многих немногими, вместе с тем развитие обобществления процесса труда во все более и более широких и крупных размерах.

“Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства”.

Отрицание отрицания. “Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют”.

“Экспроприация экспроприаторов” - это пролетарская революция. Ее

предпосылки - внутренние противоречия капиталистического способа производства, толкающие его к гибели. Во 2-м и 3-м томах “Капитала” Маркс, обратившись к проблеме обращения капитала, воспроизводства и реализации общественного продукта, пытался создать теорию неизбежности капиталистических кризисов перепроизводства. Завершенной концепции не получилось. Маркс построил модель капиталистического воспроизводства, показывающую *возможность* расширения его масштабов, но далее сделал вывод, что стихийность развития делает невозможным это расширение без периодических кризисов, материальной основой которой является *обновление основного капитала*.

В 3-м томе “Капитала” Маркс дополнил учение о превращенных экономических формах, которое он начал развивать в 1-м томе трактовкой заработной платы как превращенной ценности рабочей силы. Теперь Маркс трактует предпринимательский доход, торговую прибыль, ссудный процент и земельную ренту как превращенные формы прибавочной ценности. Маркс рассматривает торговый и ссудный капитал как обособившиеся функциональные формы капитала, участвующие в перераспределении прибавочной ценности, созданной в процессе производства. Для обозначения капитала, представленного в ценных бумагах - акциях и облигациях, - Маркс вводит понятие фиктивного капитала.

Для того чтобы согласовать с теорией прибавочной ценности фактически наблюдаемое равенство норм прибыли в отраслях с разным органическим строением капитала, Маркс предложил понятие *цены производства* как превращенной формы ценности и схему “перелива” капиталов: капиталы устремляются в отрасли с низким органическим строением (и высокой нормой прибыли), усилившаяся в этих отраслях конкуренция сбивает цены ниже стоимости.

Напротив, в отраслях с высоким органическим строением откуда капиталы уходят предложение отстает от спроса и цены повышаются. Межотраслевая конкуренция трансформирует ценность в превращенную форму *цены производства*, и Маркс возвращается (вопреки самому себе) к формуле Ст. Милля “издержки плюс средняя прибыль на авансированный капитал”.

Усложненная концепция “цены производства” стала наиболее уязвимым местом для критики со стороны экономистов-антимарксистов, которые заявили о “большом противоречии” между 1-м и 3-м томами “Капитала”, о “танце ценности”, в который “пустился” Маркс.

Первым языком, на который был переведен “Капитал” с языка с оригинала, был русский. Перевод 1-го тома был сделан Г.А. Лопатиным и Н.Ф. Даниельсоном. В 1872 г. Николай Даниельсон (1844-1918), многолетний корреспондент Маркса и Энгельса, перевел 2-й (1885) и 3-й (1896) тома “Капитала”.

Особенностью перевода Даниельсона была передача марксовых категорий: *Werth, Gebrauchswerth, Tauschwerth, Mehrwerth* терминами “стоимость”, “потребительная стоимость”, “меновая стоимость”, “прибавочная стоимость”. Доктор философии, писатель и ученый-энциклопедист Михаил Михайлович Филиппов (1848-1903) первым обратил внимание на то, что правильнее было бы передавать этот ряд понятиями “ценность”, “потребительная ценность”, “меновая ценность”, “прибавочная ценность”; также считали в конце XIX в. и другие русские экономисты.

Иного мнения был Владимир Ильич Ульянов-Ленин (1870-1924), провозгласивший, что “учение Маркса всесильно, потому что верно”. И в экономической литературе советского периода закрепилась (по Ленину) “стоимость”, так стали переводить и английское слово *value* (сравните с *cost*), что привело к изрядной терминологической (и не только) путанице, сохраняющейся и по сей день, когда теория прибавочной стоимости (ценности) К. Маркса сдана в архив.

6.4. Ф. Энгельс об основном противоречии капитализма

Ф. Энгельс, не ограничившись ролью спонсора, редактора и издателя “Капитала” Маркса, написал книгу “Анти-Дюринг” (1878), где в популярной форме систематизированно изложил свои взгляды и взгляды Маркса на политэкономии капитализма и социализма.

Отправляясь от марксова “закона движения капиталистического общества”, - закона прибавочной ценности - Энгельс сформулировал *основное противоречие капитализма* как противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Это противоречие, по Энгельсу, является формой противоречия между производительными силами и производственными отношениями и проявляется в “антагонизме между пролетариатом и буржуазией”, в противоположности между *организацией* производства на *отдельных фабриках* и *анархией* конкурентной борьбы в масштабах *всего общества*, в противоречии между производством и потреблением, в периодических кризисах. В последних “капиталистический способ производства изобличается в своей неспособности к дальнейшему управлению производительными силами”.

С другой стороны, рост масштабов производства и обмена приводит к акционерной форме предприятий и к переходу в руки государства крупных средств сообщения (почты, телеграфа, железных дорог), что “доказывает ненужность буржуазии” ввиду перехода к наемным служащим всех общественных функций”. Государственную собственность на средства производства Энгельс представлял переходной формой к обществу “ассоциированных производителей”, т.е. к социализму.

6.5. Маркс и Энгельс об организации производства, обмена и распределения в плановом хозяйстве

Критикуя социалистов-утопистов, Маркс и Энгельс не могли избежать набросков очертаний коммунистической общественной формации, переход к которой они представляли в форме диктатуры пролетариата, а материальные предпосылки - в развитых капитализмом производительных силах и “обобществлении труда”. В общих чертах контуры нового общества во многом совпадали с проектами социалистов-утопистов по принципу антитезы строю капиталистической конкуренции:

- вместо разделения труда - *перемена труда* как средство его превращения в самодеятельность и форму всестороннего развития личности;
- вместо “невидимой руки” рынка - сознательная организация общественного производства по единому плану (*планомерность*);
- вместо распределения по факторам производства - распределение “каждому по его труду” - на низшей фазе коммунизма и “каждому по потребностям” - на высшей фазе, когда “все источники общественного богатства пользуются полным потоком”.

Коммунистическое производство, в представлениях Маркса и Энгельса “непосредственно общественное”, (т.е. исключает товарный обмен и деньги), “ассоциированный труд, выполняемый добровольно, с готовностью и воодушевлением”; “каждый ребенок с 9-летнего возраста должен часть времени быть занятым производительным трудом, сочетаемым с умственным образованием и гимнастикой; общество вырастит “новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца” (отсюда идея трудовой *политехнической школы* советских педагогов-марксистов).

Если перемену занятий как средство наслаждением живописал

Ш. Фурье, если идея политехнического воспитания многосторонних работников, (а не “искалеченных экономических разновидностей”) восходила к проектам Р. Оуэна, то идеи разумно комбинированного плана работ для общества в целом и вознаграждения каждого по его трудовым заслугам перешли в марксистский социализм, оставшийся утопией, из сен-симонизма.

6.6. Ревизионизм

Вскоре после смерти Энгельса его помощник в течение многих лет Эдуард Бернштейн (1850-1932) выступил с циклом статей, а затем с книгой “Предпосылки социализма и задачи социал-демократии”(1899), призвав “товарищей” по II Интернационалу пересмотреть (*ревизовать*) взгляды Маркса и Энгельса на капитализм и рабочее движение “признать уже открытое” - противоречия между разными утверждениями Маркса и Энгельса. Ревизии Бернштейн рекомендовал подвергнуть следующие положения марксистской доктрины:

1) “теория катастрофы” - представление о движении капитализма к крушению под давлением собственных противоречий;

2) схема классового деления общества - вопреки Марксу с развитием крупного производства, во-первых, увеличивается не однородность сплоченности, а дифференциация рабочей массы; во-вторых, не убывает, а растет число мелких собственников капиталистов всех степеней - “средние слои не исчезают с лестницы общественных отношений”;

3) учение о диктатуре пролетариата - поскольку представители социал-демократии становятся, где только возможно, на почву парламентской работы, пропорционального народного представительства и народного законодательства - приемов, прямо противоречащих диктатуре;

4) предположение, что современная фабрика создает предпосылки к кооперативному труду, - не оправданы надежды Маркса на то, что управление производством в крупных размерах и в соответствии с новейшими требованиями науки осуществимо руками самих рабочих;

5) понятие “научного социализма” и соотношение идеалов и ближайших задач рабочего движения.

Бернштейн предложил формулу: “*Движение - все, конечная цель - ничто*” как формулу приоритета практических реформ в направлении поднятия рабочего из социального положения пролетария до положения равноправного члена “гражданского общества”. Бернштейн подходил к социал-демократии как к “организаторскому либерализму”, который ставит обеспечение гражданской свободы выше, чем осуществление какого-нибудь экономического положения. И хотя либеральные партии враждебны социал-демократии, социализм по своему духовному содержанию не только преемник, но и законный наследник либерализма как мирового исторического движения”.

Ревизионизм Бернштейна расколол европейскую социал-демократию на согласившихся с ним *оппортунистов* и революционных марксистов. Последние, взяв верх в России, во многом определили характер XX века и третировали первых, хотя все критические замечания первого ревизиониста были правильными.

7. ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

7.1. “Национальная экономия” Ф. Листа

Историческое направление в политической экономии пыталось наметить третий путь между крайностями экономического либерализма и утопического социализма. Сторонники этого направления отвергли революцию и не ставили

под сомнение частную собственность. Но они считали недостаточным представление о человеке как об эгоистичном *Homo economicus*, заинтересованном только в личной выгоде, не принимали формулу *laissez faire* и придавали большое значение национальным историческим и географическим особенностям, “чувству общности” и экономической роли государства.

Первым, кто стремился подвести под экономические категории национально-историческую основу, был Фридрих Лист (1789-1846). Энергичный общественный деятель, предприниматель, одним из первых оценивший значение железных дорог и сам проектировавший их, запальчивый критик идей Смита и Сэя, он подытожил свою борьбу за единство и экономическое процветание родной страны - Германии - книгой “Национальная система политической экономии” (1841).

“*Космополитической экономии*” Адама Смита и его франко- и германоязычных эпигонов-фритредеров (Сэй, Ж.А.Бланки, Г.Шторх и др.) Лист противопоставил *национальную экономию*, призванную содействовать “промышленному воспитанию”, подъему *производительных сил* нации на основе “воспитательного протекционизма”.

Свобода торговли может быть взаимовыгодна лишь для стран, достигших “нормальной” ступени экономической развития, каковой Лист считал “торгово-мануфактурно-земледельческое состояние” нации. Размышляя над “уроками истории” и прежде всего над экономической гегемонией Англии, он доказывал, что переход к “торгово-мануфактурно-земледельческой” стадии не может совершиться сам по себе и посредством свободы обмена, так как при свободе обмена между торгово-мануфактурно-земледельческой и чисто земледельческой нациями вторая обрекает себя на экономическую отсталость и политическую несостоятельность (примеры Польши и Португалии). Для формирования внутреннего рынка необходимы политическое единство и таможенное покровительство отраслям национальной промышленности, пока те пребывают в “младенческом состоянии”.

Именно так, по мнению Листа, и действовала Англия, ставшая после 1815 г. “мастерской мира”. Создав свое коммерческое и промышленное величие строгим протекционизмом, англичане, по мнению Листа, нарочито стали вводить в заблуждение другие - отставшие нации доктриной свободы обмена, взаимовыгодной лишь при *равном* уровне экономического развития стран, в противном же случае обрекающей менее развитые страны на “лишь на производство земледельческого продукта и сырых произведений и на производство только местной промышленности”, т.е. на долю аграрно-сырьевого придатка промышленных стран.

Лист очертил рядом противопоставлений контуры национальной экономии.

1. “Политэкономии меновых ценностей” Адама Смита Лист противопоставил доктрину “производительных сил”, введя это понятие в политэкономический обиход и трактуя его как *способность создавать богатство* нации. “*Причины богатства* суть нечто совершенно другое, нежели *само богатство*”, и первые “бесконечно важнее” второго. Под производительными силами Лист понимал не ресурсы, а институты, обеспечивающие более быстрое экономическое развитие. “Христианство, единоженство, уничтожение рабства и крепостничества, престолонаследие, изобретение книгопечатания, пресса, почта, монетная система, меры веса и длины, календарь и часы, полиция безопасности, введение свободного землевладения и пути сообщения - вот богатые источники производительных сил”.

2. Учению о разделении труда и принципу сравнительных преимуществ Лист противопоставил концепцию национальной *ассоциации производительных сил*, подчеркнув приоритет внутреннего рынка над внешним и преимущества сочетания фабрично-заводской промышленности и земледелия, и пропагандируя железные дороги как национальную систему путей сообщения.

Земледельческую нацию Лист сравнил с одноруким человеком.

С точки зрения ассоциации национальных производительных сил Лист трактовал категорию земельной ренты. В противоположность Рикардо различия в естественном плодородии земель Лист считал несущественным фактором, а *местоположение* - решающим: "Рента и ценность земли везде увеличиваются пропорционально близости земельной собственности к городу, пропорционально населенности последнего и развитию в нем фабрично-заводской промышленности".

Настаивая на "десятерной" полезности развития и удержания за собой внутреннего рынка сравнительно с поисками богатств вне страны, Лист в то же время подчеркивал, что и во внешней торговле достигнуть большего значения может та нация, которая довела фабрично-заводскую промышленность до степени высшего развития. Земледельческая же страна "разрывается" внешней торговлей на приморские и приречные местности, заинтересованные в спекулятивном экспорте продуктов земледелия, и застойные внутренние области страны.

3. "Софизму" фритредерства Лист противопоставил **воспитательный протекционизм** - систему правительственных мер поддержки молодых отраслей национальной промышленности для подъема их до мирового уровня конкурентоспособности. Неизбежное при протекционной системе повышение цен, по его мнению, с выигрышем компенсируется за счет расширения рынков сбыта; благодаря ассоциации национальных производительных сил земледельцы гораздо больше выигрывают от расширения рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, чем теряют от увеличения цен на промышленные товары.

4. Формула "*laissez faire*", по мнению Листа, также удобна грабителям и плутам, как и купцам. "Купец может достигать своих целей, заключающихся в приобретении ценностей путем обмена, даже в ущерб земледельцам и мануфактуристам, наперекор производительным силам и не щадя независимости и самостоятельности нации. Ему безразлично, да и характер его операций и его стремлений не позволяет ему заботиться о том, какое влияние оказывают ввозимые или вывозимые им товары на нравственность, благосостояние и могущество страны. Он ввозит как яды, так и лекарства. Он доводит до изнурения целые нации, ввозя опиум и водку".

5. Лист взял под защиту меркантилистов, которые, по его мнению, сознавали важность национальных интересов и значение протекционизма для промышленности, а промышленности - для ассоциации производительных сил. Но он полагал, что протекционизм оправдан лишь в качестве "воспитательного", - для выравнивания уровней экономического развития стран, и нация, достигшая уровня перворазрядной промышленно-торговой державы, должна перейти к свободе торговли.

Лист также указывал, что систему воспитательного протекционизма может с успехом применить лишь держава с умеренным климатом, достаточно обширной территорией с разнообразными ресурсами и значительным населением, обладающая устьями своих рек, (а следовательно выходами из своих морей). Он рассматривал в качестве примера историю Польши, во-первых, как судьбу страны, "которая не соприкасается с морями, которая не имеет ни торгового, ни военного флота, или у которой устья рек не находятся в ее власти", и она "в своей внешней торговле стоит в зависимости от других наций, причем господство иностранцев на приморском рынке угрожает как экономической, так и политической целостности страны"; во-вторых, Польша была вычеркнута из ряда национальных государств из-за отсутствия в ней сильного среднего сословия, которое может быть вызвано к жизни лишь насаждением внутренней фабрично-заводской промышленности.

Обеспокоенный судьбами Германии, Лист считал необходимыми условиями ее экономического прогресса и политической устойчивости "округление границ"

и развитие среднего класса. Расширенный Германский таможенный союз Лист рассматривал как основу “Средней Европы”. По завершении “Национальной системы” Лист посвятил несколько лет пропаганде идеи “Средней Европы” и объединения Германии и Австро-Венгрии, увязывая геополитические проекты с экономическими и социальными проблемами. Но агитация Листа не имела успеха. Усталый и разочарованный экономист-геополитик покончил жизнь самоубийством.

Вторая половина XIX в. обеспечила Листу посмертное признание. В восторженных тонах писал о немецком экономисте автор единственной книги о нем на русском языке - С.Ю. Витте, считавший, что “основательное знакомство с “Национальной системой политической экономии” составляет необходимость для всякого влиятельного государственного и общественного деятеля”. Во второй половине XX в. система мер, напоминающих “воспитательный протекционизм” по Ф. Листу, была с успехом осуществлена в Японии, что позволило этой стране достичь статуса великой экономической державы.

7.2. “Старая” историческая школа. “Молодая” историческая школа: историко-этическое направление

Если Ф. Лист подчеркивал, что “дельная система необходимо должна опираться на достоверные исторические факты”, то у германских экономистов Вильгельма Рошера (1817-1894), Бруно Гильдебранда (1812-1878) и Карла Книса (1821-1894) в их сочинениях 1840-50-х гг. наметилась тенденция доводить приоритет фактособирания в экономических исследованиях до отрицания политической экономии как системы.

В. Рошер, начав с подбора исторических иллюстраций к основным категориям классической политэкономии, отправил в прошлое трехфакторную концепцию производства, выделив в истории 3 больших периода: *древнейший*, когда главный деятель - земля; *средневековый*, когда приобретает все большее значение труд, капитализирующийся благодаря корпоративно-цеховой исключительности; *новый*, когда господствует капитал и происходит вытеснение ручного труда машинным и обострение противоположности роскоши и нищеты.

Б. Гильдебранд предложил иную, но тоже 3-стадийную последовательность, отразив ее в названии своей книги “Натуральное хозяйство, денежное хозяйство и кредитное хозяйство” (1864). К. Книс вообще отказался от каких-либо общих схем развития хозяйства.

Ретроспективно Рошер, Гильдебранд и Книс были объединены понятием “старая историческая школа”. Оно возникло после того, как в объединенной усилиями “железного канцлера” О. Бисмарка вокруг прусского королевства Германии возникла школа Густава Шмоллера (1838-1917) - профессора ряда университетов и одного из основателей “Союза социальной политики” (1871) - организации германских ученых-экономистов для сотрудничества с правительством в деле “укрепления новой Германии” посредством социальных реформ “сверху”.

Г. Шмоллер соглашался с выводами К. Маркса о классовом конфликте предпринимателей и рабочих, но рассматривал монархию и государственное чиновничество как нейтрализующую силу в классовой борьбе. Сознание государственной властью своей ответственности перед обществом и защита интересов низших классов, социальное законодательство и гарантирование рабочим коллективных договоров с предпринимателями - таковы, по Шмоллеру, условия классового мира и эффективного функционирования экономики.

Другой активный деятель молодой исторической школы и “Союза социальной политики” Луйо Брентано (1848-1931) подчеркивал, что одной из задач политической экономии является разрешение “вопросов, возбужденных

агитацией". Брентано обосновывал заинтересованность предпринимателей в росте заработной платы, так как это является стимулом к повышению производительности труда.

Экономисты новой исторической школы - деятели "Союза социальной политики" - приняли данное им прозвище "катедер-социалистов", т.е. социалистов с профессорских кафедр. Один из них, Адольф Гельд (1844-1880) писал в книге "Социализм, социал-демократия и социал-политика" (1878): "Катедер-социализм" выдвинул в противовес как радикальной приверженности манчестерства к принципу *laissez faire*, так и радикальному стремлению социал-демократии к перевороту, - самостоятельный принцип примирения порядка и свободы. Упрямому консерватизму и социальной революции он противопоставил законную, шаг за шагом продвигающуюся вперед положительную реформу".

Г. Шмоллер и его ученики подчеркивали не только нормативную сторону политической экономии и неприятие абстрактно-дедуктивного метода Рикардо и анализа экономических явлений, изолированного от истории, географии, психологии, этики, юриспруденции; от особых черт, налагаемых национальностью и культурой.

В своем главном труде "Основы учения о народном хозяйстве" (1900-1904) Шмоллер выдвинул программу превращения политэкономии в основную науку об обществе, которая благодаря накоплению конкретно-исторического материала и междисциплинарному подходу сможет установить генетическую связь социальных явлений, выносить этические суждения и давать практические рекомендации. Таким образом, отвергая "рецепты смитианства" в теории и экономической политике, Шмоллер стал обосновывать **историко-этическое направление в политэкономии** - изучение экономического поведения во всех его гранях, с акцентом на психологических, этических и правовых основах общности людей и на надындивидуальных чертах экономической жизни, как она исторически проявляется в разных эпохах.

Шмоллер не считал возможным применение математики в общественных науках и указывал, что человеческая психика слишком сложна для дифференциального исчисления. Однако он был активным сторонником применения статистического материала.

Благодаря близости Шмоллера к официальным кругам Германской империи "новая историческая школа" стала господствующей в немецких университетах; ее влияние распространилось и за пределы Германии - в Англии, Франции, США, России. Германская школа в политической экономии способствовала формированию *экономической истории* и *экономической географии* как особых научных дисциплин.

Оппонентами исторической школы были К. Маркс (с революционных позиций) и профессор Венского университета К. Менгер, вступивший в 1883 г. со Шмоллером в "спор о методах", в защиту аналитических абстракций. У более молодых представителей самой школы тоже не вызывал одобрения сугубый эмпиризм, лишенный каких-либо теоретических обобщений.

Карл Бюхер (1847-1930) в монографии "Возникновение народного хозяйства" (1893), выдержавшей множество переизданий, предложил обобщенную схему всего экономического развития народов Западной и Средней Европы с выделением 3-х ступеней, в зависимости от длины пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя:

- 1) ступени замкнутого домашнего хозяйства, где предметы потребляются в том же хозяйстве, в котором произведены;
- 2) ступени городского хозяйства, где произведенные предметы непосредственно поступают в потребляющее хозяйство;
- 3) ступени народного хозяйства, где предметы проходят ряд посредствующих звеньев, прежде чем дойти до потребителя.

С удлинением пути обмена развиваются новые формы промышленности - от работы на себя (1) и на заказ домохозяина (2) - к городскому ремеслу (3) и далее - к кустарной промышленности (4) и фабричному производству (5). Две последние формы промышленности соответствуют ступени *народного хозяйства*. Эволюция форм промышленности сопровождается распространением сферы влияния *капитала* вплоть до полного охвата им национальной экономики.

7.3. “Юная историческая школа”: поиск истоков “духа капитализма”

Дальнейший шаг в сочетании эмпирического и абстрактного методов, исторического и теоретического анализа в начале XX в. сделало новое яркое поколение молодой исторической школы в лице Вернера Зомбарта (1863-1941) и Макса Вебера (1864-1920), поставивших в центр внимания историко-этическую проблематику “духа капитализма”.

В. Зомбарт дебютировал как исследователь в семинарии Г. Шмоллера, но затем прошел через увлечение “Капиталом” К. Маркса, отвергая при этом социалистический интернационализм и оставаясь, как он сам говорил, “буржуазным профессором”.

Известность Зомбарту принес двухтомник “Современный капитализм” (1902). С выходом этой книги понятие “капитализм” стало общепотребительным среди западных экономистов. Зомбарт подчеркивал, что “капитализм для науки был открыт Марксом и с тех пор все более становится подлинным предметом экономической науки”.

Зомбарт считал Маркса замечательным мыслителем, чей ясный взгляд омрачала бурная революционная страсть, но чья способность блестяще излагать свой анализ была для Зомбарта впечатляющим образцом “вчувствования”, необходимого для психологически достоверной картины капитализма как “величайшего цивилизаторского создания человеческого духа”. Решающим условием успешности работы экономиста и социолога Зомбарт считал сходную с художественным творчеством способность к открытию великих человеческих типов. Таким типом в разных воплощениях предстала на страницах сочинений Зомбарта фигура капиталистического предпринимателя.

В первом издании “Современного капитализма” Зомбарт связал истоки капиталистического “духа” с накоплением в западноевропейских городах феодальной земельной ренты и траты ее на все более изощренные и утонченные удовольствия и предметы роскоши, что стимулировало развитие торговли и мануфактурного производства. Историки, однако признали эту концепцию поверхностной и отвергли ее за вольное обращение с источниками и чрезмерную претенциозность. Последующие сочинения Зомбарта также были насыщены поспешными и рискованными обобщениями, но будили исследовательскую мысль.

Вскоре вслед за Зомбартом к анализу истоков “капиталистического духа” обратился М. Вебер - исследователь гораздо более строгий, начинавший как историк-экономист и ставший крупнейшей фигурой социологии XX в. Вебер оставил несколько капитальных трудов по всемирной экономической истории, но наибольшую славу снискала его работа “Протестантская этика и дух капитализма” (1904).

М. Вебер рассматривал капиталистическое общество как концентрированное выражение *экономической рациональности*: рациональная религия - “выход аскезы на житейское торжище”; рациональное знание - наука; рациональное право; рациональное государственное управление (бюрократия) со специализированной подготовкой чиновников-профессионалов; рациональная организация предприятий, обеспечивающая максимизацию экономической выгоды. Это

общество Вебер считал продуктом уникальных исторических условий, сложившихся на христианском Западе в XVI-XVII вв. Вебер предложил классификацию мировых религий в зависимости от подхода к спасению души.

В восточных религиях спасение души обретается на мистико-созерцательной основе “духовного просветления”. В западном христианстве, начиная с бенедиктинского монашества, складывалось понимание спасения души как воздаяния за религиозную аскезу, в которую наряду с “умерщвлением плоти” и молитвенным служением входил труд.

Религиозная Реформация XVI в. приравняла труд в рамках мирской профессии к религиозной аскезе; в языках народов, принявших протестантизм, появилось слово, обозначающее одновременно профессию и религиозное призвание (немецкое *Beruf*, английское *Calling* и т.п. в голландском и скандинавских языках, без аналогов в языках романских и славянских).

Наряду с обмирщением религиозного долга верующих, снятием принципиального противопоставления церковного и светского, центральным догматом протестантизма стала доктрина *избранности к спасению - предопределения* Божественной волей одних (еще до рождения) к спасению души, остальных - к гибели. Избранности к спасению нельзя заслужить, но следует уверовать в него и видеть в профессиональных успехах (росте мастерства и увеличении доходов) свидетельство Божьего расположения.

Доходы не следовало расточать на увеселения и приобретение предметов роскоши, а вкладывать в расширение делового предприятия и воспринимать его процветание как внешнюю примету небесного покровительства и одновременно как свою религиозную обязанность, подкрепляемую упорным трудом и самодисциплиной.

Протестантский профессионально дифференцированный “мирской аскетизм” стал “экономической добродетелью”; сложилась одухотворенная “самой интенсивной формой набожности” трудовая этика, наряду с духом территориальной экспансии и возникновением современной науки обусловившая уникальное развитие западного общества, дифференцировав его от остального мира.

Вебер определял капитализм как “такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретательства... Там, где существует рациональное стремление к капиталистической прибыли, там соответствующая деятельность ориентирована на учет капитала. Это значит, что она направлена на планомерное использование материальных средств или личных усилий для получения прибыли таким образом, что исчисленный в балансе конечный доход предприятия, выраженный материальными благами в их денежной ценности, превышает капитал, то есть стоимость использованных в предприятии материальных средств”.

Исследование Вебера с момента опубликования стало, с одной стороны, образцом для восхищения и подражания, а с другой, - предметом жарких споров (критики ссылались, например, на факты проявления “духа капитализма” в католических государствах Италии в предренессансную и ренессансную эпоху). Наиболее обстоятельно оспорить выводы своего коллеги стремился Зомбарт, усиленно работавший над “этюдами”, направляющими “взгляд зрителя” на какую-либо одну сторону проблемы генезиса “духа капитализма”, - “Евреи и хозяйственная жизнь”(1911), “Роскошь и капитализм”(1913), “Война и капитализм”(1913).

Наряду со статьей “Капиталистический предприниматель”(1909) эти эскизы подготовили книгу “Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека” (1913).

Зомбарт полагал, что веберовский подход охватывает лишь одну сторону

капитализма и капиталистического духа, которую сам Зомбарт называл буржуазным (*бюргерским*), *мещанским* духом, и которая вносит в капиталистическую систему хозяйства такие добродетели, как трудолюбие, умеренность, расчетливость, верность договору. Но это как бы “тыльная” сторона “капиталистического духа”, а на переднем плане выступает энергия “стремления к бесконечности”, “воли к власти”, “предприимчивости”, бросившая людей “на путь мятущегося себялюбия и самоопределения”, вырвав их из мира традиционных отношений, построенных на родственных и общинных связях.

Эти две стороны в единстве образуют душевное настроение, которое, по мнению Зомбарта, создало капитализм. Возводя истоки предпринимательства к стремлению “завоевания себе мира”, наслаждению “полнотой жизни”, Зомбарт указывал, что “в сфере материальных стремлений завоевание равнозначно увеличению денежной суммы. Стремление к бесконечному, стремление к власти нигде не находит для себя столь подходящего поля деятельности, как в охоте за деньгами, этом совершенно абстрактном символе ценности, который освобожден от всякой органической и естественной ограниченности и обладание которым все в большей и большей степени становится символом власти... Стремление к власти и стремление к наживе переходят одно в другое: капиталистический предприниматель... стремится к власти, чтобы приобретать, и приобретает, чтобы добиться власти”.

В концепции “капиталистического духа” и исторической типологии предпринимательства, предложенной в “Буржуа”, сказалось идейно-стилистическое влияние на Зомбарта эволюционно-биологизаторской философии Ф.Ницше - с ее дихотомией “господ и рабов” и мотивами “полноты жизни”, обретаемой в творческой жажде “мощи, власти, размаха, страсти”.

Предприниматели - это “добытчики” прибыли, организаторы предприятий, обеспечивающих прирост дохода. Зомбарт выделил 6 основных типов капиталистических предпринимателей:

- 1) *разбойники*, особенно участники военных походов и заморских экспедиций ради добычи золота и экзотических товаров;
- 2) феодалы, коммерциализирующие свои земельные владения (продажа зерна и шерсти, горное дело);
- 3) государственные деятели, насаждающие торговые и промышленные компании;
- 4) спекулянты, оперирующие с деньгами и ценными бумагами - ростовщики, банкиры, биржевые игроки, грюндеры (учредители акционерных обществ);
- 5) купцы, втирающиеся в доверие к лицам, облеченным властью и вкладывающие торговый капитал в процесс производства благ;
- 6) ремесленники (“то, что англичане называют метко “*Manufacturer*”, французы - “*Fabricant*” в противоположность порожденному купеческим духом “*entrepreneur*”) - мастера и коммерсанты в одном лице.

Как главные функции предпринимателя Зомбарт выделил:

- а) организационные (умение подбирать и объединять людей и вещи в работоспособное целое);
- б) торговые (искусство вести переговоры, завоевывать доверие, возбуждать желание покупки своего товара);
- в) счетоводные (точное числовое исчисление затрат и результатов).

Рассматривая процесс развития капитализма как органический цикл с эволюционными фазами, Зомбарт считал характерными для ранней стадии капитализма (“героической юности”) три первых типа предпринимателей, душевный настрой которых определялся агрессивным авантюризмом и повышенным эротизмом, наслаждением жизнью как завоеванием.

Но затем на первый план выходят “мирные” типы предпринимателей, особенно фабриканты, “с отвращением в их деятельности от всего

насиленного и авторитарного” и иными способностями - искусством достигать соглашения со своими поставщиками, рабочими и клиентами, чувством долга и умением “считать и копить”.

“Мещанские добродетели”, “деловая мораль”, рационализация замещают порывы “бьющей через край” жизненной энергии. Зомбарт, однако, не был склонен абсолютизировать этот процесс: обращаясь к опыту современных ему американских миллионеров (известных умением “сворачивать шеи” конкурентам), он делал вывод о 3-х главных формах конкуренции в современном капитализме:

1) конкуренция эффективностью (ценовая);

2) конкуренция внушением (реклама);

3) конкуренция насилием, которая нашла себе применение у крупных американских компаний и направлена на стремление к монополии.

Великие предприниматели, по Зомбарту, это - “люди, соединяющие в себе различные, обычно раздельные предпринимательские типы, которые одновременно являются разбойниками и ловкими калькуляторами, феодалами и спекулянтами, как мы это можем заметить у магнатов американских трестов крупного масштаба”.

Пребывание на орбите марксистских влияний и осознание эволюционной природы капиталистического строя обусловило внимание Зомбарта к проблеме экономических кризисов. Он ввел в экономическую теорию понятие конъюнктуры как “общего положения рыночных отношений в каждый данный момент, поскольку эти отношения определяющим образом влияют на судьбу отдельного хозяйства, слагающуюся в результате взаимодействия внутренних и внешних причин”.

Учение о колебаниях конъюнктуры Зомбарт противопоставил выводам Маркса и Энгельса о крушении капитализма в результате усугубления кризисов перепроизводства, подчеркнув, что “теория кризисов должна быть расширена до теории конъюнктуры”. Подобное расширение стало одной из наиболее масштабных задач экономической мысли XX века. Но не этому направлению суждено было стать главным в экономической теории.

8. МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

8.1. Общая характеристика маржиналистской революции. Смена парадигмы в экономическом анализе

Для истории наук, как и других областей человеческой культуры, характерно противопоставление “классического” и “современного”. В экономической науке водоразделом между “классикой” и современной экономической теорией является “маржиналистская революция” 70-х гг. XIX вв., с которой берет начало современный микроэкономический анализ, основанный на оперировании “предельными” (маржинальными - *marginal*) понятиями - “предельная полезность”, “предельная производительность”, “предельный доход”, “предельные издержки”, “предельная норма замещения” и т.д.

Хронологически маржиналистская революция связана с выходом 3-х книг в разных странах, на разных языках: “Теория политической экономии” (1871) - англичанина У.С. Джевонса; “Основания науки о народном хозяйстве” (1871) - австрийца К. Менгера; “Элементы чистой политической экономии” (1874) - франко-швейцарца Л. Вальраса.

Независимо друг от друга эти три автора почти одновременно предложили новый подход, изменивший общее видение предмета экономической теории, ее инструментарий, а на английском языке, (который в XX в. стал международным языком экономистов) и ее название: вместо “политическая экономия” (*political*

economy) - “экономикс” (*economics*; по аналогии с *mathematics* и *physics*, и это отнюдь не случайно, поскольку новый подход вскоре обосновался на использовании математических методов и равновесного анализа).

Институционально маржиналистская революция связана с оформлением 3-х университетских школ и научного сообщества экономистов со своими журналами. Карл Менгер (1840-1921), стал основателем **австрийской школы**, продолженной Евгением фон Бем-Баверком (1851-1914) и Фридрихом фон Визером (1851-1926). **Лозаннскую школу** в университете главного города швейцарского кантона Во составили Леон Вальрас (1834-1910) и его преемник на профессорской кафедре итало-швейцарец Вильфредо Парето (1848-1923).

Наконец, наиболее разветвленной стала **англо-американская школа**. Вслед за Уильямом Стенли Джевансом (1835-1882), профессором Манчестерского, а затем Лондонского университетов, ее традиции укрепляли профессор Оксфордского университета Френсис Исидро Эджуорт (1845-1926), профессор Кембриджского университета Альфред Маршалл (1842-1924) и его ученики, профессор Колумбийского университета в столице США Дж. Бейтс Кларк (1847-1938).

Парадигматически маржиналистская революция означала перемещение основного проблемного поля экономической теории с “богатства народов” и способов его приумножения и распределения между основными общественными классами - на вопрос о том, как из ограниченных наличных ресурсов люди выбирают оптимальные варианты их употребления.

Парадигмой в современном науковедении называют модель постановки проблем, принятую научным сообществом в качестве образца решения исследовательских задач. В отличие от классической парадигмы, которая отводила роль регулятора экономической жизни прошлым затратам общественного труда, маржиналистский подход поставил в центр внимания будущую полезность благ с точки зрения индивидуального выбора.

Классики выводили ценность “со стороны предложения” из издержек производства. Маржиналисты придали основное значение субъективным оценкам благ потребителями, (которым в классических теориях практически не было места). Маржиналистов интересовал прежде всего статический аспект экономической системы, ее равновесие, при котором индивидуальные субъекты достигают своих целей: потребитель (домохозяйство) - наибольшей полезности, производитель (фирма) - максимальной прибыли. Маржиналисты предпослали своему анализу принципы рационального максимизирующего поведения индивидов и всеобщей замещаемости благ - возможности изменить их комбинацию и повысить благосостояние путем обмена.

Методологический индивидуализм маржиналистов нередко принимал форму “робинзонады” - концептуальной конструкции, в которой фигурирует одинокий индивид на необитаемом острове. Особенно охотно к фигуре Робинзона прибегала австрийская школа.

8.2. Предшественники маржинализма

После того как прогремели первые залпы маржиналистской революции - книги Менгера, Джеванса и Вальраса - было обнаружено забытое сочинение швейцарского автора Германа Генриха Госсена (1810-1858) “Развитие законов человеческого общения и вытекающих из них правил человеческой деятельности” (1854), которое в момент своего появления не привлекло внимания. Разочарованный этим автор, считавший себя “Коперником политэкономии”, скупил и уничтожил большую часть тиража, а вскоре он умер. Слава теоретика, опередившего свое время и действительно давшего цельную формулировку теории, совершившей переворот в экономической науке, пришла к нему

посмертно: маржиналисты признали его своим предтечей и дали его имя впервые сформулированным им 2-м законам:

1) *закон убывания предельной полезности*: “Величина одного и того же удовольствия постоянно уменьшается вплоть до насыщения по мере того, как мы без помех испытываем это удовольствие”;

2) *закон равенства взвешенных предельных полезностей*: “Для того, чтобы достигнуть максимальной суммы удовольствий в условиях ограниченного времени, индивид должен испытать их все частично таким образом, чтобы в момент прерывания величина всех удовольствий была одинакова”. Или: “Лицо максимизирует свою полезность, когда распределяет имеющиеся у него денежные средства между различными благами так, что достигает равного удовлетворения от последней единицы денег, потраченных на каждый из товаров”.

Позднее было отдано должное как предшественникам маржинализма еще нескольким экономистам прошлого, особенно французам А.О. Курно и Ю. Дююи и немцу И.Г. фон Тюнену.

Антуан Огюстен Курно (1801-1877) еще в 1838 г. в книге “Исследование математических принципов теории богатства” подошел к понятию эластичности спроса. Рассматривая спрос как функцию цены, Курно заметил, что спрос может сильно меняться при относительно небольшом изменении цен (высокоэластичный спрос) и, наоборот, мало реагировать на значительное повышение цен (низкоэластичный спрос). Причем последнее может проявляться и в случае предметов роскоши (скрипка или телескоп), и в случае предметов первой необходимости (дрова). На примере зависимости спроса от цены Курно впервые показал возможность применения высшей математики (дифференциального исчисления) в экономическом анализе.

Как и Курно, аппарат дифференциального исчисления применил в 3-х томном исследовании “Изолированное государство” (1826- 1863) Иоганн Генрих фон Тюнен (1789-1850), северо-германский помещик, строивший модель оптимального размещения разных отраслей в ограниченном пространстве по критерию максимизации суммарной выгоды с учетом расходов на перевозки.

Ювенал Дююи (1804-1866), видный французский инженер, впервые сформулировал в статье “О мере полезности гражданских сооружений” (1844), что ценность таких коллективно используемых благ, как питьевая вода, дороги, каналы, мосты может быть выше, чем это отражается в уплачиваемой за них цене, так как большинство людей согласны были бы платить за них больше, чем платят на самом деле. Дююи предложил графическое рассмотрение этого эффекта, предвосхитив анализ А. Маршалла потребительского излишка.

Дююи также предвосхитил рассуждения австрийской школы описанием убывания полезности каждого следующего гектолитра воды, подаваемой общественным насосом в дом, расположенный на высоком месте (экономно использовать для самых насущных нужд: мыть дом каждый день; поливать сад; наполнять бассейн; устраивать фонтан и т.д.).

Австрийская школа рядом существенных черт отличается от других направлений маржинализма. Австрийцы не прибегали к аппарату математического анализа. Это было связано, во-первых, с принципиальной установкой на анализ причинно-следственных, каузальных, а не функциональных зависимостей, во-вторых, с акцентом на дискретность полезности: блага (кони, мешки зерна) не могут быть бесконечно делимыми, следовательно не может быть непрерывных функций спроса и предложения), в-третьих, с меньшей, чем у других школ, статичностью анализа - вниманием к экономике как к процессу, учетом ожиданий и ошибок экономических агентов, неопределенности.

Австрийцы оперировали понятием “блага”. К. Менгер разделил все блага на неэкономические, имеющиеся в неограниченном количестве, и экономические. В свою очередь, последние делятся на блага 1-го порядка, которые служат для

непосредственного потребления, и блага 2-го и более высоких порядков, которые являются средствами создания других благ. Классическая школа определяла ценность предметов потребления через ценность овеществленного труда или использованных при их создании факторов производства (труда, капитала, земли). Менгер “перевернул” порядок исчисления ценности: ценность потребительских благ (благ 1-го порядка) определяет ценность используемых при их производстве благ высшего порядка.

Говоря об определении ценности благ высшего порядка, Менгер ввел понятие **взаимодополняемости (комплементарности)** производительных благ. Если какого-либо “комплектующего” элемента не хватает для производственного процесса, то могут обесцениться и все другие блага набора. Но эти последние обыкновенно могут быть употреблены на производство других благ низшего порядка, хотя и менее важных. Это рассуждение привело Менгера к определению ценности производительного блага разницей между ценностью продукта, который получен с его помощью, и ценностью других благ высшего порядка, которые можно было иметь при ином употреблении данного производительного блага. Развивая такой подход, Ф. Визер сформулировал понятие *упущенной выгоды*, или альтернативных издержек, которое заняло основное место в современном микроэкономическом анализе.

Менгер отверг восходящую к Аристотелю концепцию обмена эквивалентов, указав, что в обмене каждая из сторон получает больше, чем отдает. Заключительные разделы своего исследования Менгер посвятил сущности и происхождению денег, выделив в них особое (на фоне других товаров) свойство исключительно широких количественных границ способности к сбыту, впервые отмеченное еще Ксенофонтом, и в XX в. стало обозначаться термином “ликвидность”.

Е. Бем-Баверк сделала различие между субъективной ценностью благ и объективной меновой ценностью. Субъективная ценность - это индивидуальная оценка блага продавцом и покупателем. На рынке в ходе конкуренции продавцов и покупателей с разными индивидуальными оценками определяются усредненные *предельные пары* оценок, задающие рамки объективной меновой ценности. Продавец тем сильнее, чем за меньшую цену он согласен продать, а покупатель - чем за большую цену готов купить. “Слабые” вынуждены отказаться от продаж и покупок. Оценки слабейшего из достигших своей цели покупателей и сильнейшего из достигших своей цели продавцов, а также оценки сильнейшего из неудачливых покупателей и слабейшего из неудачливых продавцов устанавливают границы объективной меновой ценности.

Для иллюстрации принципа предельной полезности Бем-Баверк обратился к родине Робинзона. Предположим, что Робинзон располагает 5-ю мешками зерна. Первый нужен ему для того, чтобы не умереть с голода (примем его полезность за 10). Второй мешок (полезность 8) позволяет Робинзону уже насытиться (полезность 6), а третий - откормить птицу и использовать затем ее мясо для того, чтобы разнообразить свое меню. Четвертый мешок (полезность 4) пойдет на самогонование, а пятый (полезность 1) - на корм приятному собеседнику-попугаю. Предельная полезность набора определяется полезностью пятого мешка.

Предположим, что в силу каких-то причин Робинзон лишился 2-х мешков. Ему придется воздержаться от водки и отпустить попугая на волю. В этом случае предельная полезность набора будет равна полезности 3-го мешка. Таким образом, предельная полезность увеличится, хотя общая полезность набора уменьшится.

Благодаря принципу предельной полезности удалось объяснить неразрешенный классической школой “парадокс воды и алмаза”. Предельная полезность единицы воды, имеющейся в большом количестве, оказывается ниже предельной полезности редкого алмаза, хотя общая полезность воды на земле неизмеримо

больше, чем ценность алмазов, и ценность стакана воды для путника, измученного жаждой в пустыне, неизмеримо выше, чем алмазный перстень на его руке. Можно вспомнить, что Робинзон, перевозя к себе в хижину вещи из погибшего близ его острова корабля, хотел было выбросить золото как “негодный мусор”, но отправляясь в Англию, взял накопленное им богатство.

Бем-Баверк использовал также робинзонаду в своей “положительной теории капитала и процента”, которую он противопоставил марксистской теории прибавочной ценности. Бем-Баверк провел грань между благами настоящего, которые могут быть немедленно потреблены, и “благами будущего”. Робинзон может ловить рыбу (благо настоящего) голыми руками, используя только фактор труда. Но он может затратить некоторое время на изготовление капитальных благ (удочка, сеть), которые принесут ему в будущем гораздо большее количество рыбы. Это и будет “окольный метод производства”, который тем результативнее, чем более используется фактор капитала.

Таким образом, предприниматели, выплачивая рабочим зарплату для приобретения средств существования (благ настоящего), на законном основании присваивают избыток благ будущего, производимых с помощью капитала. Наоборот, по отношению к заимодавцам они выступают как пользователи благ настоящего (денег), за что с лихвой расплачиваются за счет будущих благ, произведенных с помощью окольных методов.

Пик научной деятельности Бем-Баверка, сделавшего карьеру государственного чиновника в Австро-Венгерской империи, (министр финансов, президент Академии наук) пришелся на 1880-е гг., когда он преподавал в Инсбрукском университете и выпустил книги “Основы теории ценности хозяйственных благ”, “Капитал и прибыль” (в 2 тт., 2-й - “Положительная теория капитала”). В 1896 г. он выпустил книгу “К завершению марксистской системы”, где подверг критике “большое противоречие” между 1-м и 3-м томами “Капитала” Маркса - между трудовой теорией ценности и теорией цен производства.

Сверстники и родственник Бем-Баверка и преемник Менгера на кафедре политэкономии Венского университета Ф. Визер отдал более 40 лет пропаганде и развитию теории австрийской школы, придав систематизированный вид в трактате-учебнике “Теория общественного хозяйства”(1914). Введя понятие альтернативных издержек, Визер сформулировал правило, получившее его имя - **закон Визера**: действительная полезность (ценность) какой-либо вещи - есть недополученные полезности (ценности) других вещей, которые могли быть произведены (приобретены) при помощи ресурсов, потраченных на производство (приобретение) данной вещи.

С именем Визера связан переход от кардиналистского (букв. количественного) понимания полезности к ординалистскому (порядковому). Теория ценности, основанная на отношении человека к вещи, предполагала модель человека, рационально стремящегося к удовлетворению своих потребностей согласно их осознанной иерархии.

Бем-Баверк (также как первые английские маржиналисты) полагал, что иерархию предпочтений можно установить с количественной линейной определенностью. Визер отказался от этой предпосылки, указав на реальность *порядка предпочтения*.

8.3. Английский маржинализм

В отличие от австрийцев, маржиналисты-математики, начиная с У.С. Джевонса, считали правомерным понятие бесконечно малого приращения блага. Джевонс подчеркнул, что *экономическая теория состоит из применения дифференциального исчисления* к понятиям богатства, полезности, ценности, спроса, предложения, капитала, процента и всех других количественных категорий,

связанных с повседневной хозяйственной жизнью.

Незадолго до безвременной смерти Джевонса (он утонул в 1882 г.) активным сторонником количественного анализа экономики выступил Ф. Эджуорт в книге “Математическая психология: очерки применения математики к моральным наукам” (1881). Ф. Эджуорт ввел *кривые безразличия*, графически изображающие полезность как функции не одного, а двух (в простейшем случае) и более благ. Кривая безразличия - это отображение на плоскости таких комбинаций двух благ, при которых они доставляют равную полезность. Джевонс ввел понятие *конечной степени полезности* - степени полезности последней порции, или следующей добавки очень малого или бесконечного малого количества блага к уже имеющемуся запасу. “Конечные степени полезности при использовании блага двумя различными способами должны быть равны”, - самостоятельно формулирует Джевонс “второй закон Госсена”.

На Джевонса и других английских маржиналистов сильное влияние оказала популярная философская доктрина Иеремии Бентама (1748-1832) - **утилитаризм** (от *utility* - полезность). Современник Смита, Рикардо, Сэя, Бентам считал предназначением философии “оказывать поддержку экономике повседневной жизни”, а основой всех человеческих поступков и критерием нравственности провозгласил индивидуальное стремление к пользе, к наибольшей сумме удовольствий и минимуму страданий. Благополучие общества в философии Бентама предстало как сумма полезного для каждого индивида в отдельности, а моральный выбор был сведен к подсчету выгод и потерь.

Английские же маржиналисты развили философию утилитаризма в модель экономического человека, рационально максимизирующего свои удовольствия. Модель экономического поведения людей, эгоистически мотивированного целью получить максимум удовольствий и избежать страданий, получила название модели **гедониста-оптимизатора**.

Следуя Бентаму, Джевонс рассматривал труд как “отрицательную полезность”. Труд – “любое болезненное напряжение ума или тела, претерпеваемое полностью или частично, ради получения будущего блага”. Тягость труда является функцией количества выполненной работы. Производство будет продолжаться до тех пор, пока отрицательные ощущения от труда (“антиполезность”) меньше, чем удовольствие, доставляемое продуктом труда (полезность). Джевонс сформулировал “закон безразличия”: для покупателя на рынке не имеет значения, каковы издержки производства выбираемого им товара.

Предложив термин “экономикс” для обозначения предмета науки, изучающей законы максимизации полезности индивидами, Джевонс из-за преждевременной смерти не успел завершить начатый труд “Принципы экономикс”. Но несколько позднее 3-томный систематизированный курс “Принципы экономикс” (1890) создал профессор Кембриджского университета А. Маршалл, сумевший осуществить теоретический синтез наследия классической политэкономии и достижений маржинализма, и тем самым дать начало *неоклассической* направлению экономической теории.

Свой теоретический синтез Маршалл сформулировал так:

“Можно с тем же успехом спорить о том, верхнее или нижнее лезвие у пары ножниц режет лист бумаги, как и о том, чем регулируется ценность - полезностью или издержками производства... можно сделать *общий вывод*, что, как правило, чем короче рассматриваемый нами период, тем большую долю внимания нам надо уделять влиянию спроса на ценность, а чем длиннее период, тем более важным будет влияние на ценность издержек производства”.

У.С. Джевонс заявлял, что “теория потребления составляет основу экономической науки”, и полемически заострил свою концепцию против традиции Д. Рикардо - Дж. Ст. Милля выводить ценность из издержек производства. Маршалл, признавая заслуги Джевонса, не согласился с таким противопоставлением. Во-

первых, “наука о потребностях” и “наука об усилиях” необходимо дополняют друг друга (первой книгой самого Маршалла была “Экономика промышленности” (1889), написанная совместно с женой Мэри, которая раньше была его студенткой). Во-вторых, Маршалл отделил теорию ценности Рикардо от таковой у Маркса. И в-третьих, общей проблемой прежних экономистов Маршалл назвал *“небрежное отношение к фактору времени”*.

Подробное рассмотрение фактора времени, введение разграничения коротких и длительных периодов производства позволило Маршаллу создать структурный каркас, в котором нашлось место и классической, и субъективной теориям ценности.

Новаторским был методологический подход Маршалла - анализ не причинно-следственных (каузальных) зависимостей, а функциональных “связей взаимодействия”. В каждой ситуации в экономике принимаются постоянными все элементы, кроме одного (частичное равновесие), и исследуются последствия изменения этого одного элемента.

Маршалл заострил внимание на том, что “наши представления ... относятся не столько к совокупности количеств, сколько к приростам количеств и что, в частности, спрос на вещь представляет собой постоянную функцию, причем предельный прирост спроса в условиях устойчивого равновесия уравнивается соответствующим приростом ценности этой вещи. В этом плане нелегко получить четкую картину непрерывности, не прибегая к помощи математических символов или графиков”. И Маршалл разработал систему аналитических графиков, став “основателем современной графической экономической науки” (Дж.М. Кейнс).

Маршалловская концепция равновесной цены, представленная графически в виде точки пересечения кривых спроса и предложения, была подкреплена концепцией “замещения” на “пределе” не только между альтернативными предметами потребления, но и между факторами производства. Факторы производства связаны друг с другом двойным отношением: “С одной стороны, они часто конкурируют за занятость: тот, производительность которого выше, стремится вытеснить другой и тем самым ограничивает цену спроса на него. С другой же стороны, они формируют сферу занятости друг для друга... национальный дивиденд, который является общим продуктом всех их и который растет вместе с предложением каждого из них, является единственным источником спроса на любой из них”.

Вводя понятие предела для выявления функциональной связи любого экономического фактора с данным уровнем ценности и “замещения” для характеристики процесса, посредством которого устанавливается или восстанавливается равновесие, Маршалл подчинил категории заработной платы и прибыли на капитал действию общих законов ценности, спроса и предложения.

Подчеркивая, что фактор времени “лежит в основе главных трудностей при решении почти любой экономической проблемы”, Маршалл своим разграничением краткосрочных и долгосрочных периодов, средних и предельных, первичных (переменных) и дополнительных (постоянных) издержек производства, открыл новые горизонты экономического анализа.

В краткосрочном периоде на цены решающее воздействие оказывает изменение спроса. Для приспособления к возросшему спросу требуется время, иногда значительное. Это дает возможность производителям ходового товара взвинтить цены и получить дополнительный доход - **квазиренту**. В долгосрочном плане на цены оказывают большее воздействие изменения предложения.

Дешевизну товаров массового спроса Маршалл объяснил категорией “потребительского излишка”, или ренты потребления. Это избыток полезности, который достается потребителю благодаря возможности для него приобрести. Маршалл четко сформулировал понятие *эластичности спроса* – реагирования на

изменения цен в большей или меньшей пропорциональности.

Уделяя большое внимание техническому прогрессу, Маршалл выделил *организацию* как 4-й фактор производства и подробно исследовал его, опираясь на свои познания в экономии промышленности. Интересно, что главным событием XIX в. и главным вкладом в увеличение богатства Англии, Маршалл считал развитие не обрабатывающей промышленности, а транспортных отраслей, понимая под ними и инфраструктуру в широком смысле: снижение издержек перевозки людей и товаров, удешевление водоснабжения и освещения, электроэнергии и средств информации.

Маршалл рассматривал развитие промышленности в терминах дифференциации и интеграции. Дифференциация проявляется в промышленности как возрастающее разделение функций, развитие специализированных навыков, знаний и машин, тогда как интеграция, усиливающаяся глубина и прочность связей между различными частями производственного организма проявляется в таких формах, как возрастание надежности коммерческого кредита, средств и навыков общения при помощи морского и автомобильного транспорта, железных дорог и телеграфа, почты и печатного станка.

Эффекты, вытекающие из масштабов производства любого вида товаров, Маршалл подразделил на *внешнюю экономию*, зависящую от общего развития производства, и *внутреннюю экономию*, зависящую от ресурсов *отдельных предприятий*, от их организации и эффективного управления ими. Преимущества крупных предприятий состоят, по мнению Маршалла, в эффективности от применения узкоспециализированных машин и работников; в возможностях технологических экспериментов; в организации закупок и продаж; в подборе управленческих кадров.

Эффект масштаба способствует внедрению технологий и становится базой для дальнейших усовершенствований. “Успех приносит доверие, а доверие приносит успех, доверие и успех помогают сохранять старых клиентов и привлекать новых; увеличение предприятия обеспечивает ему большие возможности в закупках необходимых материалов; его изделия служат рекламой друг для друга и таким образом уменьшают трудности их сбыта”.

Маршалл видел также определенные преимущества мелких предприятий: вездесущность хозяйского глаза, экономию на бухгалтерских издержках и системе контроля, неизбежно громоздкой на крупных предприятиях. Более того, “во всех вопросах, связанных с отраслевой информацией, значение внешней экономии постоянно возрастает сравнительно со значением внутренней”. Газеты, всякого рода торговые и технические публикации постоянно доставляют сведения, необходимые мелкому предпринимателю.

Предприятие, которое отличается средними успехами, располагает нормальным доступом к получению как внешней, так и внутренней экономии для совокупного объема производства, Маршалл называл *репрезентативной фирмой*.

Динамику издержек производства Маршалл классифицировал на 3 случая зависимости:

- стабильность издержек на единицу продукции при росте выпуска (закон постоянной отдачи);
- снижение издержек (закон возрастающей отдачи);
- увеличение издержек (закон убывающей отдачи).

В краткосрочной перспективе издержки производства возрастают. В долгосрочной перспективе закон убывающей отдачи действует (как об этом писали Мальтус и Рикардо) в сельском хозяйстве, но в промышленности, за счет технических нововведений, действует, (хотя этому и препятствуют различные обстоятельства) закон возрастающей отдачи - под влиянием технических нововведений.

Весьма любопытны заключающие труд Маршалла очерки исторического развития “свободной промышленности и предпринимательства”, и экономической науки, его взгляд на социалистов, которые решительно, но неубедительно отстаивали тезис о совершенстве человека.

Книга Маршалла при его жизни выдержала 8 изданий, а сам он стал признанным главой Кембриджской школы, ставшей для экономистов всего мира примером “высокой” экономической теории.

8.4. Американский маржинализм

Первый американский маржиналист Дж.Б. Кларк в своей книге “Распределение богатства” (1894) дополнил теорию предельной полезности теорией предельной производительности. Кларк отошел от методологического индивидуализма, введя понятие классов покупателей, осуществляющих экономическую оценку благ. Каждый класс покупателей регулирует цену определенного блага как элемента общественного богатства. Потребитель расходует свои деньги сначала на самые необходимые для него блага, затем на менее насущные.

Предельная полезность - это полезность того блага, которое данный класс покупает на последнюю имеющуюся у него денежную единицу. Для самых бедных это, например, хлеб, для более зажиточных - выходной костюм, для богатых - автомобиль. Соответственно спрос низшего класса формирует цены на хлеб, среднего - на костюмы, высшего - на автомобили. Кроме того, почти любой товар обладает рядом свойств, которые могут привлекать разные классы покупателей. Поэтому ценность - отражение “связки элементарных полезностей”. Экономический **закон Кларка** состоит в том, что цена товара равна сумме предельных полезностей составляющих его элементов, причем каждая из предельных полезностей относится к одному классу потребителей.

Кларк воспроизвел на новой основе теорию факторов производства Сэя, сформулировав законы убывающей предельной и специфической производительности факторов производства. В производстве, согласно Кларку, задействованы *четыре фактора*:

- капитальные блага (земля и другие средства производства);
- денежный капитал;
- предпринимательская способность;
- труд.

Каждый фактор приносит свой специфический доход - капитальные блага - ренту, денежный капитал - процент, предпринимательская способность - прибыль, труд - заработную плату (закон *специфической производительности*). Увеличение любого из факторов производства при неизменности остальных даст убывающий прирост производительности.

Кларк рассматривал теорию предельной производительности как нормативный принцип соблюдения справедливости в процессе распределения: рыночный механизм обеспечивает каждому фактору производства доход, отвечающий требованиям не только эффективности, но и справедливости.

Кларк разделил экономическую теорию *на статику и динамику*. Динамика рассматривает нарушения рыночного равновесия: отклонения спроса от предложения, отраслевые диспропорции и т.д. Некоторые экономические категории, например, предпринимательский доход, в той степени, в какой он превышает заработную плату за квалифицированный труд по управлению, - связаны только с динамикой.

Англо-американский маржинализм соединением обновленных подходов классической школы с новыми подходами маржинализма - неоклассическое направление в экономической теории. Другой вариант неоклассической

экономической теории разработали Л. Вальрас и В. Парето, принесшие всемирную известность швейцарскому городу, в университете которого они занимали кафедру политической экономии.

8.5. Лозаннская школа

Леон Вальрас первым разработал *математическую модель общего экономического равновесия*. В ее основу он положил деление всех агентов производства на две большие группы - владельцев производительных услуг - земли, труда и капитала; и предпринимателей, приводящих потенциальные факторы производства в действие. Владельцы производительных услуг предлагают их на факторных рынках предпринимателям, которые выступают, в свою очередь, как продавцы произведенных потребительских товаров. Рынки производительных услуг и потребительских товаров взаимосвязаны.

Три условия обеспечивают общее экономическое равновесие:

- 1) спрос на производительные услуги равен их предложению;
- 2) цены на товарном рынке устойчивы;
- 3) продажная цена продуктов равна издержкам на их производство, выраженным в производительных услугах.

В математической модели эти условия равновесия выражаются через 4 взаимосвязанные системы уравнений:

- 1-я характеризует предложение производительных услуг: предложение каждого вида производительных услуг выступает как функция рыночных цен на все виды услуг и на все готовые продукты;
- 2-я описывает спрос на готовые продукты: спрос на каждый вид продуктов - есть функция рыночных цен на производительные услуги и на все продукты;
- 3-я отражает потребление готовых продуктов: сумма затрат каждой из них на производство всех готовых продуктов должна равняться совокупному предложению этого вида услуг;
- 4-я показывает соотношение цен производительных услуг и готовых продуктов. Цена каждого продукта равна сумме цен все затраченных на его изготовление производительных услуг.

Модель Вальраса позволяет найти математическое решение задачи равновесия, так как общее число неизвестных в этой модели равно числу уравнений. Вальрас видел в этой модели доказательство возможности устойчивого равновесия и наилучшего распределения экономических ресурсов в условиях свободного рынка и стремления всех экономических субъектов к максимизации полезности.

Развитие общей теории экономического равновесия продолжил ученик Вальраса и его преемник на кафедре в Лозаннском университете В. Парето. Он сформулировал понятие экономического равновесия - **Парето-оптимальность** - как такого состояния, которое не позволяет ни одному участнику обмена улучшить свою функцию полезности, не ухудшая одновременно функции полезности других участников обмена.

В своих работах "Лекции по политэкономии" (1896) и "Руководство по политэкономии" (1906) Парето поставил задачу развить "чистую политэкономия" Вальраса до такой конструкции, которая делала бы излишними психологическую модель гедониста-оптимизатора и само понятие "полезности", которое Парето предложил заменить ... греческим эквивалентом ("офелимите" - со смысловым оттенком "желательность").

Выдвинутую Ф. Эджуортом идею *кривых безразличия* Парето использовал для построения психологически нейтральной модели рыночного механизма. Поскольку человеческие склонности весьма разнообразны, возможны разные комбинации для достижения максимально возможного удовлетворения.

Различные комбинации, дающие равное удовлетворение, могут быть представлены в виде кривых безразличия. Эти кривые дают представление о том, что удовлетворение индивида - есть функция количества не одного только блага, но также функций количества других благ.

Даже в случае 2-х благ экономические субъекты могут рассматривать различные комбинации приобретения благ как равнозначные. Можно обозначить количества обоих благ на осях системы координат и соединить кривой все точки, которые дают равную степень удовлетворения. Затем можно вычертить другую линию, соединяющую точки тех комбинаций, которые дают равное удовлетворение, но являющаяся более сложными или более слабыми, чем первая.

Отмечая, что нанесенные таким образом кривые напоминают картографические кривые высоты, Парето показал человека, поднимающегося на "холм желаний" более или менее высоко по дорожкам, усыпанным препятствиями. Этими препятствиями являются редкость тех благ, которые желает иметь человек, и жертвы, которые надо принести, чтобы их получить.

Между склонностями и препятствиями устанавливается равновесие в том смысле, что ни один человек никогда не пожертвует комбинацией, из которой он надеется извлечь известное удовольствие, если не будет рассчитывать на какую-нибудь другую, дающую по меньшей мере равное удовольствие.

Идея Парето об отказе от понятия "полезность" не получила поддержки, но под влиянием его работ в экономической теории возобладало *ординалистское понимание полезности*. Первые маржиналисты, особенно Бем-Баверк и Эджуорт, настаивали на возможности количественной соизмеримости разных степеней полезности (насколько именно удовольствие от потребления n -й единицы данного блага превосходит удовольствие от потребления $n+1$ -й единицы). Такой подход получил название *кардиналистского* (лат. *cardinalis*). Парето рассматривал выбор экономических благ как *порядок* (лат. *ordinal*) *предпочтений* без количественной оценки, проложив путь ординалистской концепции потребительского выбора, которая анализирует рыночные явления, исходя из факта предпочтения одного набора благ другому - без доказательства, что потребитель желает иметь один набор благ на 3% или 10% сильнее, чем другой.

Теоретические модели Лозаннской школы исходили из взаимосвязи экономического равновесия как оптимального удовлетворения потребностей и распределения ресурсов с отношениями свободной конкуренции - отсутствием контроля над ценами, свободой входа и выхода в отрасль, доступностью для каждого из экономических субъектов, важной для извлечения максимального дохода информации.

Неоклассическое направление провозглашало принцип свободной конкуренции, полемизируя с германской исторической школой и различными социалистическими учениями. Оно способствовало обновлению идейного арсенала буржуазного либерализма. В XX в. это направление заняло место основного русла (*mainstream*) мировой экономической мысли. "Маржиналистская революция" заложила основы "новой ортодоксии" экономической науки - "неоклассической теории". Ее основными предпосылками были:

1) законы "чистой экономики" как экономики свободной конкуренции универсальны;

2) индивид действует как *homo economicus* - гедонист-оптимизатор, исходя из рационального просчитанного стремления к своему интересу;

3) ценность определяется предельной полезностью, и цена на рынке зависит от интенсивности той последней потребности, которая должна быть удовлетворена;

4) ценность производительных благ обусловлена ценностью предметов потребления, и доходы подчинены общему закону цен, представляя собой цены факторов производства;

5) происходит автоматическое уравнивание предложения и спроса, цены продукта с факторами его производства, и достигается оптимальное распределение экономических ресурсов.

Два первых и последний из перечисленных пунктов - общие с классической политэкономией в том виде, как она была представлена в работах А. Смита, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэя и Ст. Милля; два других – новизна теоретиков-маржиналистов, закрепившихся на “университетских высотах” экономической науки.

Претендуя на описание механизмов, действующих во всех экономических системах (методологический универсализм), фокусируя свое внимание на индивидуалистическом поведении на рынке отдельных потребителей и фирм (методологический индивидуализм), неоклассическая теория стала развиваться как **микроэкономика** - наука, изучающая формы человеческого поведения с точки зрения соотношения между целями частной выгоды и ограниченными, но допускающими различное применение, ресурсами.

9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

9.1. Фритредерство и протекционизм

“Великие реформы” 1856-1864 гг. в Российской империи раскрепостили не только крестьянство, но деловую и спекулятивную энергию (особенно в области банковского дела и акционерного учредительства - “грюндерская горячка” (1864-1873), общественное мнение, научную мысль. Политическая экономия не стала исключением. Новый перевод Смита, переводы Мальтуса, Бентама, Ст. Милля, Рошера и других авторов знакомили русскую образованную публику с западной экономической мыслью. Ожилились унаследованные от предыдущих поколений споры о русской общине, о социализме, об экономической свободе.

Наиболее видными западниками-фритредерами были профессора Иван Васильевич Вернадский (1821-1884) и Борис Николаевич Чичерин (1828-1904). Оба они были почитателями Ф. Бастиа, последовательными противниками общинверия и социализма.

Вернадский в “Очерке истории политической экономии”(1858) классифицировал все политико-экономические школы по их отношению к принципу свободной конкуренции и государственному вмешательству в экономику. Он противопоставил физиократию и школу Адама Смита - на одной стороне - “экономическим понятиям древних, меркантилизму, протекционизму и социализму” - на другой. Вернадский объявил себя приверженцем школы свободной конкуренции, высшим достижением которой считал систему Рикардо. Вернадский подверг критике общинное землевладение как препятствие для экономического прогресса, связанного с концентрацией капитала.

Чичерин опровергал исторические конструкции славянофилов, доказывая, что “нынешняя наша сельская община вовсе не исконная принадлежность русского народа, а является произведением крепостного права и подушной подати”. Он разработал концепцию “закрепощения и раскрепощения сословий” в России, где власть, чтобы объединить “шаткое” население, закрепостила все сословия и, укрепив государственность, стала постепенно раскрепощать их: сначала дворян, потом горожан и, наконец, крестьян.

Чичерин полагал, что прогресс в России возможен только через неограниченную монархию, которая должна обеспечивать гарантии частной собственности и свободу торговли, постепенно “вращивать среднее состояние” и приучать народ к гражданским свободам. Выдвинув формулу: “Сильная власть - либеральные меры”, - Чичерин с 1870-х гг. уделял большое внимание критике марксизма, но холодный тон его сочинений не способствовал их популярности у общественности.

Виднейшим фритредером-практиком был министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн (1820-1890), стажировавшийся в США, один из организаторов продажи Аляски и железнодорожного строительства по принципу ориентации на подвоз экспортного хлеба к балтийским и черноморским портам. В годы пребывания его на посту министра (1862-1878) сохранялся либеральный таможенный тариф России.

Альтернативную программу железнодорожного строительства, с ориентацией на подвоз к Москве ресурсов с богатых окраин для развития промышленности и внутрироссийского рынка, обосновали *славянофилы* – предприниматель, разносторонний ученый Федор Васильевич Чижов (1811-1877), журналист и исследователь ярмарочной торговли Иван Сергеевич Аксаков (1823-1886). Славянофилы, связанные с московским купечески-промышленным лобби, выступали за поворот к протекционизму.

Такой поворот произошел в конце 1870-х гг. и был укреплен министрами финансов – Николаем Христиановичем Бунге (1823-1895) и Сергеем Юльевичем Витте (1838-1915). Бунге был профессором политэкономии Киевского университета, затем академиком (1890). Он стремился европеизировать российскую финансовую систему (отменил подушную подать) и трудовые отношения, пригласил для развития института фабричной инспекции видного экономиста-историка и доктора финансового права, будущего академика Ивана Ивановича Янжула (1846-1916).

Деятельность Бунге и Янжула по контролю за соблюдением трудового законодательства привела к их травле московскими фабрикантами и затем к отставке. Незадолго до смерти Бунге завершил “Очерки политико-экономической литературы” (1895). В них, как и в оставленной в качестве политического завещания царю записке, известной как “Загробные заметки”, Бунге критиковал социализм, который “не угас и принимает грозную форму”. Ученый предлагал для “противодействия социализму в его грубейших формах” охрану труда рабочих, поощрение государством “всего, что прямо или косвенно содействует приобретению недвижимой собственности”, достижению “известной меры довольства настоящим”.

Запретительный таможенный тариф 1891 г. был составлен при активном участии Дмитрия Ивановича Менделеева (1834-1907), великого химика и энергичного поборника протекционизма для превращения России в индустриальную державу. Менделеевский тариф вошел в “систему Витте”, укрепленную знаменитой денежной реформой 1895-1897 гг., и позволившей стране сделать значительный шаг вперед в промышленном развитии.

9.2. Компаративистика и идея “народной экономики”

Вековая животрепещущая тема сравнения судеб России и Запада впервые получила историко-экономическую разработку в книге Александра Казимировича Корсака (1832-1874) “О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России” (1861).

Корсак за 30 лет до К. Бюхера, утверждавшего, что “народы, которые подобно русским, не создали настоящей городской жизни, не имеют также и национального ремесла”, показал, что в отличие от Запада, где цехи в вольных городах соединили ремесло и собственность и превратились в центры местных рынков и промышленного мастерства; в России города возникали из военно-административных соображений; цехов и богатого “среднего сословия” не было; слабо развитая промышленность надолго сохранила характер побочной деятельности земледельцев, а с XVIII века приняла форму **оптовых ремесел** – специализации целых деревень вдоль больших дорог на каком-либо одном

кустарном промысле.

Преобладание этой домашней сельской промышленности, ориентированной не столько на качество, сколько на дешевизну изделий, не поколебали и “несчастные меры” Петра I по насаждению крепостных мануфактур и фабрик. Корни “живучести” русской сельской кустарной промышленности - в климатических условиях, низкой производительности земледельческого труда и излишке у крестьян времени, свободного от полевых работ. Ее отрицательные стороны - низкое качество изделий и монополизация их сбыта торговцами-“кулаками”(прасолами, барышниками). Корсак высмеивал прусского барона Гакстгаузена, усмотревшего в русских общинных традициях сходство с ассоциациями сен-симонистов, но сам не исключал возможность развития из русского сельского уклада, где ремесло не отделилось от земледелия, новой формы производства, противоположной мрачной фабричной системе, а именно: ассоциации сельских производителей с организацией мелкого кредита, оптовой закупкой материалов и налаженным сбытом изделий; распространением усовершенствованных орудий, общественными мастерскими, выставками и т.д. В Швейцарии и Швеции Корсак находил примеры того, как возможно простым работникам пользоваться преимуществами фабричного производства на правах самостоятельных хозяев, оставаясь при этом сельскими жителями.

Исследование Корсака было интересным опытом компаративистики - сравнительно-исторического изучения экономического развития разных стран. Еще более масштабный замысел - “Историю цивилизации в России” - пытался осуществить Афанасий Прокопьевич Щапов (1830-1876), прославившийся первыми исследованиями хозяйственно-бытовой стороны русского религиозного раскола и обоснованием идеи, что русская история – есть по преимуществу история не центростремительной государственности, а широких областных масс народа с их “вековым энергическим стремлением к самобытности”, мощным колониационным духом, протестом против московского, а затем петербургского закрепостительного абсолютизма.

Щапов отстаивал “земское народосоветие” на основе артельного духа сельских мирских сходов и выдвинул идею “естественно-научной народной экономии” - программу многоуровневой подготовки специалистов для создания “просвещенных механических ассоциаций” в деревенской глубинке. Статья Щапова “Реализм в применении к народной экономии”(1866) вдохновила молодого революционера Петра Кропоткина (1842-1921) на разработку экономической доктрины “анархо-коммунизма” - поиска форм разрешения противоположностей между физическим и умственным трудом, промышленным городом и аграрной деревней, крупным и мелким производством.

Программа преодоления *разделения труда* в книге Кропоткина “Поля, фабрики и мастерские” соединила традиции западноевропейского утопического социализма с русской идеей “народного производства” на основе сочетания общинного земледелия и ремесленных крестьянских промыслов. Эту идею вслед Корсаку и Щапову развивали **экономисты-народники** - русские разночинцы, смотревшие на интеллигенцию как на “идейно-рабочую силу” в толще крестьянского хозяйства.

9.3. Политическая экономия народничества

Слово “интеллигенция” появилось в 1870 г. (в романе писателя П.Д. Боборыкина “Солидные добродетели”) и подразумевало образованных людей, быт и убеждения которых “окрашивала” идея “служения народу”. Наиболее влиятельным органом *народнической* интеллигенции стал основанный великим поэтом Н.А. Некрасовым журнал “Отечественные записки”, где сотрудничали сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин (типизировал “ликующее хищничество” российских

капиталистов в гротескных образах Дерунова, Колупаева, Разуваева и т.д.); публицисты Г.Е. Елисеев (ввел в обиход понятие “плутократия” - власть богатых), Н.К. Михайловский писал, что задача русской интеллигенции “именно в том и состоит, чтобы бороться с развитием буржуазии на русской почве”; Н.М. Ядринцев (ученик А.П. Щапова, идеолог сибирского областничества); экономисты В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон, обосновавшие концепцию “народного производства”. Василию Павловичу Воронцову (1847-1918), начинавшему свою деятельность в качестве земского врача и писавшему под псевдонимом “В.В.”, обязано своим укоренением в русском языке слово “капитализм”. Оно вошло в название многих его статей и главной книги “Судьбы капитализма в России”(1882).

Бухгалтер (с 1877 г. - главный контролер) Петербургского Общества взаимного кредита Николай Францевич Даниельсон (1844-1918), переводчик и издатель “Капитала” Маркса, писавший под псевдонимом “Николай – он”, подытожил свои экономические исследования в “Очерках нашего пореформенного хозяйства”(1893).

В.В. и “Николай – он” пытались, во-первых, доказать не только этическую непривлекательность, но и экономическую бесперспективность капитализма в России (“капиталистический пессимизм”, по выражению В.В.), и, во-вторых, обосновать возможность создания в русской деревне экономических структур, альтернативных фабричной системе промышленного труда.

“Капиталистический пессимизм” народники выводили из трудовой теории стоимости (ценности) и теории воспроизводства К. Маркса, геоэкономического положения России и социокультурных традиций ее делового мира. “Свободному полету капитализма положены у нас довольно тесные пределы” тем, что сравнительно со странами Запада, величина общественно необходимых затрат труда гораздо больше, выше и стоимость рабочей силы (дополнительные расходы на теплую зимнюю одежду, обогрев жилья и т.д.), и транспортные издержки (большие расстояния, бездорожье) и т.д.

Таким образом, российские товары, если их продавать по ценам, соответствующим их стоимости, не будут конкурентоспособны на внешних рынках.

С другой стороны, крупная промышленность в России, не имея доступа на захваченные капиталистами передовых стран внешние рынки, имеет возможность пользоваться передовыми технико-организационными формами, выработанными на Западе. А это лишь обостряет *проблему рынков*, поскольку более быстрое развитие крупной промышленности означает более интенсивное разорение мелких производителей, большие размеры вытесненной рабочей силы и усугубление народной бедности (и следовательно сужение внутреннего рынка).

Опыт и дореформенного, и пореформенного неорганичного развития российской крупной промышленности, искусственно возбуждаемой и протектируемой правительством для очередного этапа перевооружения армии или железнодорожного строительства, а также расцвет сельского спекулятивного капитала - монополистов сбыта (кулаков), эксплуатирующих крестьян-кустарей, - подводили народников к выводу о “невозможности капитализма на русской почве сыграть ту роль *организатора труда*, которая выпала на его долю на Западе”. Исполнения миссии европейского третьего сословия - привнесения в общество просветительных и либеральных идей - напрасно ждать от казенных капиталистов, спекулянтов и кулаков-ростовщиков.

Но зато сельская община и трудовая интеллигенция давали, по мнению народников, России шанс избежать “извращенного направления” крупного промышленного производства, которое капитал на Западе облек “в форму, непригодную для рабочего”, и создать, опираясь на кредит и традиции кустарных промыслов, новую мелкую аграрно-ремесленную единицу, оснащенную при помощи интеллигенции техническими новшествами и сбыто-снабженческими

аппаратом.

9.4. Легальный марксизм

Политэкономы-народники содействовали необычайному возвышению в России теоретического авторитета К. Маркса. Но от имени этого авторитета против “капиталистического пессимизма”, против концепции “народного производства” и особого экономического пути России выступили широким фронтом в середине 1890-х гг. молодые авторы Петр Бернгардович Струве (1870-1944), Михаил Иванович Туган-Барановский (1865-1919), Сергей Николаевич Булгаков (1872-1944), Владимир Ильич Ульянов (1870-1924), Леонид Борисович Красин (1870-1926), Александр Александрович Богданов-Малиновский (1873-1928).

Трое последних возглавили “кружковую” социал-демократию, из которой к началу XX в. выросла Российская Социал-демократическая рабочая партия (РСДРП, 1-й съезд – 1898; 2-й, с расколом на большевиков и меньшевиков, - 1903) , причем написанный благодаря занятиям в тульском рабочем кружке марксистский “Краткий курс экономической науки” (1897) А.А. Богданова стал самым популярным учебником политэкономии в России. Трое других получили известность как **легальные марксисты**, они отстаивали марксизм как “учение об основном тождестве русского экономического развития с западноевропейским”(статья Струве “Маркс” в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона), как “научное объяснение и условно-историческое оправдание капитализма”, аналогичное либеральной политической экономии на Западе. “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России” (1894) Струве завершались вызывающим призывом: “Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму”.

Туган-Барановский, Булгаков и Ульянов в своих работах сделали акцент на критике народнической интерпретации марксовой теории воспроизводства, доказывая, что капитализм может развиваться *на основе внутреннего, им самим создаваемого рынка*. Ульянов в монографии “Развитие капитализма в России” доказывал, что “рост средств производства (производительного потребления) далеко обгоняет рост личного потребления”, и внутренний рынок создается в первую очередь именно за счет расширяющегося спроса на средства производства (постоянный капитал), а также за счет покупок на рынке средств существования разоренными мелкими производителями, вынужденными теперь продавать свою рабочую силу (переменный капитал).

В пику народникам Ульянов (с помощью материалов земской статистики, но с сильными преувеличениями) доказывал *классовое расслоение* “общинной деревни” на сельскую буржуазию (“кулаки”, “ростовщики-мироеды”, преуспевшие “хозяйственные мужички”) и бедноту. “Интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии” был для Ульянова основанием вывода о приложимости к хозяйственной эволюции сельской России марксовой схемы развития капитализма.

Ульянов назвал Воронцова и Даниельсона “отечественными сисмондистами”, воспроизводящими теорию “третьих лиц” (необходимость внешних рынков для реализации продукции крупного машинного производства) и “мелкобуржуазную утопию”. Антикапиталистический протест Сисмонди и народников Ульянов характеризовал как **экономический романтизм**.

П. Струве утверждал, что железнодорожное строительство открывает для капитализма в огромной России почти безграничную возможность сбыта, и язвил, что в стране уже обнаружилось “превосходство железных дорог как фактора экономической эволюции” над интеллигенцией и над общиной, а “идиллия “народного производства” разрушается под свист локомотива”. “Распадение” крестьянства на “представителей новой силы, капитала во всех его формах” и

“полусамостоятельных земледельцев и настоящих батраков” Струве считал закономерностью движения к “вершинам товарного хозяйства”. Он выступал за экономическую политику, направленную на создание в России “экономически крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянства”.

Струве выступал как последователь Ф. Листа (“Лист и Маркс прекрасно дополняют друг друга”), с восторгом отзываясь о концепции решающей роли железных дорог и протекционизма для национальной ассоциации производителей сил.

М. Туган-Барановский, начав полемику с народниками в области теории воспроизводства (магистерская диссертация “Периодические промышленные кризисы” (1894), продолжил ее в докторской диссертации “Русская фабрика”(1898). Он сделал вывод, что большее значение для русской кустарной промышленности имеют не старинные домашние промыслы, а те, которые развились благодаря насаждению государством со времен Петра I фабрик и крупных мастерских.

“Фабрики раздробились в кустарную промышленность”; деревенские промышленные станы кустарей-предпринимателей могли конкурировать с фабричной промышленностью, но лишь до распространения крупного машинного производства. Струве использовал материал “Русской фабрики” для резюме культурно-исторической “генетики” российского капитализма.

Корпоративное западноевропейское ремесло, технически готовя капитализм, в то же время отлагало своеобразное кустарное право: статуты навязать справедливую оплату кустарей, ограничивали свободу предпринимательства, (не разрешая без прохождения ремесленного ученичества заниматься купеческой деятельностью).

В России, ввиду ее естественно-географических и политико-исторических особенностей сложилось **децентрализованное товарное производство** - в отсутствие развитых местных рынков громадная территория и оптовые ремесла в придорожных деревнях обеспечили развитие внушительного национального рынка с простором для деятельности *торгового капитала*. Это “*laissez faire* при крепостном праве” - при культурной отсталости страны было выигрышем в экономическом приближении к капитализму, и “в тот момент, когда мы столкнулись с интенсивной, несущейся с Запада капиталистической культурой, мы менее, чем какой-либо другой народ... располагали антикапиталистическими традициями в области промышленности”.

9.5. Критика марксизма

“Марксисты” сочли себя победителями в идейной борьбе с народничеством. Действительно, разговоры о “невозможности” в России капитализма были прекращены. Но еще до завершения спора с народниками, началось выяснение отношений между “легальными марксистами” и революционерами во главе с В.Ульяновым-Лениным.

Перевод на русский язык книги Бем-Баверка “Теория Карла Маркса и ее критика” (1897), новый перевод “Капитала” под редакцией Струве подхлестнули “полемику о ценности” в редактируемом М.М. Филипповым новом журнале “Научное обозрение”. Прежде всего Струве, Туган-Барановский, Булгаков вслед за Филипповым сочли правильным (в отличие от В.Ульянова и А.Богданова) строить понятийный ряд на основе категории “ценность”, а не “стоимость”. Далее Струве полностью согласился с Бем-Баверком относительно “большого противоречия” между I и III томами “Капитала”, отказавшись от трудовой теории ценности.

Филиппов и Булгаков пытались отстоять справедливость трудовой теории ценности, но сочли необходимым критику “Капитала”, полагая, что Маркс не дал убедительного объяснения извлечению индивидуальными предпринимателями

за счет технических усовершенствований “экстренной прибавочной ценности” (Филиппов), “ряда рент”, “чрезвычайной прибыли” (Булгаков). Булгаков выдвинул компромиссную формулу “осуществления закона ценности через его неосуществление”.

Струве – автор первого Манифеста РСДРП – решительно солидаризовался с ревизионизмом Бернштейна, а Булгаков, начав капитальное исследование “Капитализм и земледелие”(2 тт., 1900) с целью доказать “справедливость экономической схемы Маркса, всеобщую приложимость закона концентрации производства и вообще тождественность эволюции промышленности и земледелия”, пришел на основе изучения аграрной эволюции главных стран Запада к совсем иным – ревизионистским – выводам:

1. Мелкое сельское хозяйство не является, как на основе английского опыта полагал Маркс, историческим пережитком, обреченным на вымирание и долженствующим уступить место крупнокапиталистическому хозяйству. Крестьянское хозяйство имеет особую природу и устойчивость.

2. Нельзя согласиться с категоричностью марксовых выводов об универсальной тенденции капиталистического накопления. “Настоящее экономическое развитие ведет к постепенному отмиранию самых тяжелых и грубых форм эксплуатации человека человеком: в промышленности, концентрируя производство и подчиняя его общественному контролю; в земледелии, – уничтожая крупное предприятие и ставя на его место крепкое крестьянское”.

Таким образом, “легальные марксисты” к началу XX в. от полемики с народничеством от имени Маркса перешли к полемике теперь уже с самим покойным Марксом и революционными ревнителями его учения в России, двинувшись, по словам ставшего их непримиримым оппонентом В.Ульянова, “не к пролетарскому социализму, а к буржуазному либерализму”. Но первую книгу, специально посвященную критике экономического учения марксизма, выпустил в 1898 г. экономический обозреватель журнала “Вестник Европы” (органа либерально-реформистского западничества) Людвиг Зиновьевич Слонимский (1850-1918).

Основными аспектами критики Слонимским “Капитала” были следующие:

- “софистика” диалектического метода; “ошибочная в существе” попытка представить экономическую историю Англии – с ее владычеством в мировой торговле и сильной зависимостью от внешнего рынка – “в виде типической истории промышленного развития вообще”;

- искусственное внесение в экономический анализ “элемента суровой классовой борьбы”;

- “фикция кристаллизованного труда как определителя ценности”;

- “произвольная игра” со словом “обобществление”: подмена понятия общества в смысле единения понятием общества – как совокупности граждан, чего-то высшего по отношению к частным интересам и правам.

“На деле не существует того резкого разграничения между классом капиталистов и другими слоями общества, на котором основывает свои выводы Маркс”, а “внешние общественные формы труда, производства и кредита не только не умаляют, но еще усиливают и расширяют значение частных прав и интересов в промышленной жизни”. Вопреки Марксу, капиталистическое содержание разрастается и крепнет при новейших переменах своей оболочки: “акционерная форма предприимчивости размножает мелких капиталистов во всех классах общества”.

Но особенно Слонимский критиковал Маркса за “недомолвки” относительно участия в капиталистическом производстве “высших форм труда” – техников, инженеров, разных ученых специалистов.

“В капиталистическом производстве, по описаниям Маркса, господствует

сложная умственная работа, требующая технических и коммерческих знаний, большого практического искусства, находчивости и изобретательности, тогда как значение простой рабочей силы неизбежно понижается вместе с сокращением и упрощением функций мускульного труда в крупной промышленности". Но это идет "совершенно вразрез" с экономической теорией (Слонимский уподоблял ее иллюзии физиократов приписывать производительную способность только силе земли), предполагающей простой наемный труд единственным творцом чистого дохода при капиталистическом способе производства.

По мнению критика, Маркс оставлял в стороне участие высшего технического труда (тоже наемного) в производстве, чтобы заострить антагонизм наемных рабочих к буржуазии, хотя и превозносил в то же время деятельность английских фабричных инспекторов.

Слонимский писал, что "Маркс был по темпераменту человек борьбы... Злобные чувства проявляются гораздо ярче и занимают гораздо больше места в его книге, чем искренние симпатии к обездоленным и угнетенным". Эту тему позднее по-своему осветил эволюционировавший к православной софиологии (учению о мудрости Божией) бывший марксист С.Булгаков в размышлениях о "теневой стороне Марксова духа" в книге "Карл Маркс как религиозный тип" (1907).

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

- 1. Составьте логическую схему базы знаний по теме юниты.**

2. Укажите, какие 3 класса выступают в моделях идеального государства Платона, воспроизводства Кенэ и распределения доходов Рикардо:

Модель	Классы
Идеальное государство Платона	
“Экономическая таблица” Кенэ	
Теория земельной ренты Рикардо	

3. Составьте сравнительную таблицу теоретико-экономической системы Д. Рикардо и “национальной системы политической экономии” Ф. Листа:

Критерий сопоставления	Теоретико-экономическая система Д. Рикардо	“Национальная система политической экономии” Ф. Листа
Формула задачи экономической теории		
Формула роли государства в экономике		
Формула соотношения производства и внешней торговли		
Вид земельной ренты, рассматриваемый как типичный		

4. Расположите нижеперечисленных экономистов по спискам сторонников и противников государственного вмешательства в экономику:

Ф. Бастиа, П. Буагильбер, Н.Х. Бунге, И.В. Вернадский, Ж.-Б. Кольбер, Ф. Лист, А. Ордин-Нащокин, Д. Рикардо, С. де Сисмонди, А. Смит, Ж.-Б. Сэй, Г. Шмоллер.

Сторонники государственного вмешательства в экономику	Противники государственного вмешательства в экономику

5. Сопоставьте экономические учения А. Смита и Д. Рикардо по следующим критериям:

Критерий сопоставления	Экономическое учение А. Смита	Экономическое учение Д. Рикардо
Структура естественной цены		
Тенденции уровня заработной платы		
Перспективы капиталистического строя		

6. Назовите экономистов, которые в разное время занимали пост генерального контролера финансов Франции и пытались претворить в жизнь разные экономические доктрины:

Экономические доктрина	Генеральный контролер финансов Франции, который пытался претворить доктрину в жизнь

7. Укажите, какая из школ маржинализма - австрийская или англо-американская ввела в экономическую теорию следующие понятия и методы анализа:

Понятия и методы анализа	Школа
Дифференциальное исчисление	
Квазиарента	
Классы покупателей	
Объективная меновая ценность	
“Окольные способы производства”	
Ординалистская полезность	
Отрицательная полезность	
Предельная производительность	
Робинзонады	

8. На основе предложенного списка составьте два списка экономистов - представителей классической политэкономии - согласно трактовкам К. Маркса и Дж.М. Кейнса и укажите критерии этих трактовок:

П.Буагильбер, А.Маршалл, Ст.Милль, У.Петти, Д.Рикардо, С. де Сисмонди, А.Смит, Ж.Б.Сэй.

Представители классической политэкономии	Согласно трактовке К. Маркса
	Дж.М. Кейнса

9. Составьте схему товарных потоков и схему денежных потоков между 3-мя классами общества согласно “Экономической таблице” Ф. Кенэ:

10. Составьте схему структуры капитала по экономическому учению К.Маркса:

11. Из предложенного списка выберите *пары* экономистов разных эпох, объединенных “общими сюжетами” исследований и биографии:

Л. Вальрас, Ксенофонт, Б. Мандевиль, А. де Монкретьен, Т. Мор, А. Смит, У. Петти, Платон, Д. Рикардо, С. де Сисмонди, Ж.Б. Сэй, Ф. Энгельс

Общие “сюжеты” исследований и биографии	Пары экономистов
Акцент на измельчении трудовых операций как факторе повышения производительности труда	
Положительная оценка корыстолюбия и излишеств богатых как стимулов для экономического развития	
Изложение своей доктрины в сочинениях под названием “Трактат политической экономии”	
Обоснование неизбежности нарушений соответствия спроса и предложения в форме кризисов	
Переход к занятиям экономической теорией после приобретения опыта биржевой деятельности	
Утопическое изображение идеального экономического строя, основанного на общей собственности	

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ЮНИТА 1

Редактор Е.М. Евдокимова
Оператор компьютерной верстки А.Б. Кондратьева

Изд. лиц. ЛР № 071765 от 07.12.1998

Сдано в печать

НОУ “Современный Гуманитарный Институт”

Тираж

Заказ

Современный Гуманитарный Университет